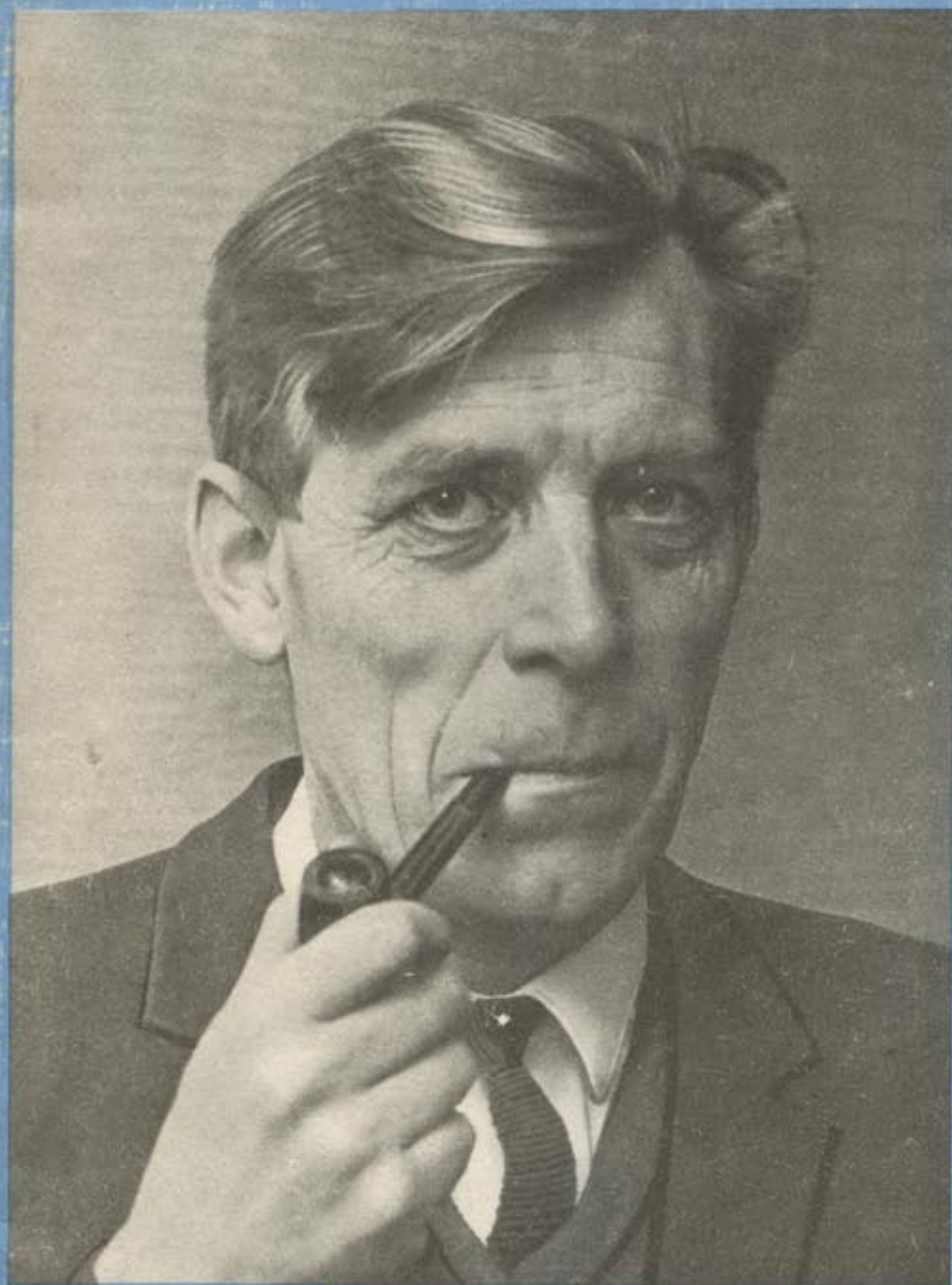


№ 6 (820) · 1977

РОМАН- ГАЗЕТА



СИГБЬЕРН
ХЕЛЬМЕБАК

АНДЕРСЕНАМ — УРА !

СИГБЬЕРН ХЕЛЬМЕБАК

Норвежский писатель Сигбьерн Хельмебак внес большой вклад в прогрессивную литературу своей страны. Не идя ни на малейшие компромиссы в вопросах литературного качества, он в своих произведениях с глубокой социальной заинтересованностью показывает норвежскую действительность. Он дает нам живое описание людей и среды без их дешевой идеализации и героизации. Характеры простых людей он описывает с глубоким пониманием и симпатией.

По своим политическим убеждениям С. Хельмебак принадлежит к левому крылу норвежского рабочего движения. В годы «холодной войны» его перо было остро, как оружие: он выступал против включения Норвегии в НАТО, против реакции, против преследования коммунистов и других прогрессивных сил страны, против дискриминирующих их социальных законов. Блестящие статьи того времени, написанные С. Хельмебаком, его страстные и смелые выступления являются вкладом в борьбу против маккартизма в Норвегии. Так же последовательно и непоколебимо писатель выступает за мир и дружбу между народами Советского Союза и Норвегии.

...Сигбьерн Хельмебак родился в 1922 году в южной Норвегии, неподалеку от Флеккефьорда. Окружавшая его религиозная среда описана им в нескольких произведениях, и прежде всего в его первом романе — «Ловец душ человеческих» (1952) — глубоко реалистическом повествовании о светском проповеднике. Двумя годами раньше он дебютировал сборником рассказов «Не говори об осени».

В романе «Эмигрант» (1959) показана жизнь в обособленном поселке на западе Норвегии в начале прошлого века, когда туда начинают проникать идеи свободы и бунтарства. Герой романа тщетно пытается вырваться из изоляции и замкнутости, хочет уехать из поселка. Но встречает понимание в среде бедных рыбаков, ему становится близкой их борьба с суровой природой, с болезнями и нищетой. Автор провидит в романе лучшее общество, основанное на общности людей. В том же году вышла хорошая детская книга С. Хельмебака «Сальве — овечий пастух». Она была экранизирована. После года пребывания в Финмарке С. Хельмебак создал насыщенный событиями роман «Страшная зима» (1964), на основе которого был сделан фильм «Сожженная земля» — о зверствах немецких фашистов во время отступления из северной Норвегии осенью 1944 года. Впечатления об освобождении Красной Армией северной Норвегии нашли свое отражение еще в одном сценарии, фильме по которому — «Под каменным небом» — был осуществлен совместным норвежско-советским производством.

В романе «Девичий обрыв» С. Хельмебак снова вернулся к теме жизни в изолированном поселке, где внезапно и бурно вырываются наружу скрытые чувства и страсти, вызванные приездом эмигрировавшего в свое время в Америку норвежца. По этому роману был поставлен фильм, который имел большой успех в Норвегии, а также за границей.

Осенью 1975 года вышел новый роман писателя — «Камень-коляска», в котором автор достиг больших литературных высот. За этот роман ему была присуждена премия Дублауга (присуждается Шведской королевской академией за лучшие норвежские и шведские романы. — Примечание переводчика). Многие норвежские критики назвали роман «Камень-коляска» лучшей книгой года. Тему книги сам автор определил следующим образом: «Может ли человек быть счастлив, если знает, что все кончается смертью?»

Повесть «Андерсенам — ура!» (1966), предлагаемая читателям «Роман-газеты», — прекрасно написанная веселая сатира, высмеивающая погоню за положением в норвежском «обществе благоденствия».

МАРТИН ГУННАР КНУТСЕН

Перевод с норвежского И. Крымовой

РОМАН- ГАЗЕТА

ОСНОВАНА В 1927 г.

№ 6 (820)
1977



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА

СИГБЬЕРН ХЕЛЬМЕБАК АНДЕРСЕНАМ — УРА!

*Перевод с норвежского
Н. КРЫМОВОЙ И Ю. ПОСПЕЛОВА*

Хотя правление кооператива вместе с пайщиками и придерживалось мнения, что семье Андерсенов в поселке не место, никакого снобизма в том не было. Андерсен и его семья сами поставили себя вне общества. Правление неоднократно пыталось поправить дело и наладить добрососедские отношения, но всякий раз наталкивалось на непомерное упрямство Андерсенов и на нежелание развивать сотрудничество.

Участок Андерсенов, весьма похожий на воронье гнездо, находился в самой середине нового, современного поселка. В их доме когда-то помещалась мелочная лавочка, и первоначальное назначение проглядывало во всем, хотя тут уже не торговали целых двадцать лет. Это был дом-уродец, построенный в каком-то ложно-швейцарском стиле. Теперь он сильно обветшал, краска облезла, стекла кое-где заменила фанера и картон, а на стенах висели эма-

лированные рекламные вывески, предлагающие купить заведомо неходовые товары. Перед домом стоял старый бензонасос, с помощью которого теперь качали воду из колодца, а вокруг валялось всякое старье. Дело в том, что Андерсен работал в фирме, которая занималась сносом старых домов, и всегда привозил с работы «что-нибудь интересенькое», складывая потом свои находки в саду.

Впрочем, это был не сад, а непроходимые заросли кустарника и цветов, малины и шиповника, травы и капусты. Весь этот хаос окружала дохленькая изгородь. Но особенно шокировало соседей то, что Андерсены держали домашних животных: голубей, кур, кошку и даже свинью.

Правление было не в силах с этим бороться. Кооператив выработал точные Правила содержания участков и единогласно утвердил их на первом общем собрании пайщиков, но что было толку в правилах, если Андерсен отказался их выполнять? Он утверждал, имея, конечно, некоторые на то основания, что он

© Перевод на русский язык.
Издательство «Молодая гвардия», 1976 г.

не член кооператива и поэтому правила его не касаются.

— Мы с женой живем здесь уже почти двадцать лет и не можем теперь все менять, — так отвечал Андерсен, когда ему говорили, что нужно как-то разумно решить проблему.

Ничуть не помогло и то, что председатель правления, банковский кассир Альф Хермансен неоднократно разъяснял необходимость конструктивного сотрудничества.

— Мы все здесь как бы члены одного общества. Мы должны сотрудничать и считаться друг с другом, — говорил он, подчеркивая эти слова.

— Конечно, сотрудничать надо, — соглашался Андерсен. — Мы с женой страшно довольны, что теперь у нас есть соседи. А о ребятах и говорить нечего! Раньше тут было скучновато, и мы обрадовались, когда узнали, что не одни жить будем, и жена была рада, и ребята. Так что сотрудничать мы хотим, это понятно.

Он охотно взял экземпляр Правил, протянутый ему Хермансеном. Эти три страницы текста из 28 пунктов, отпечатанные на ротаторе, вручались при въезде каждому жителю поселка.

— Это конституция нашего кооператива, — сказал Хермансен полшутя-полусерьезно. — Я полагаю, что и вы не станете нарушать конституцию, Андерсен?

— Конечно, нет, — охотно согласился Андерсен, но уже в следующую секунду забыл свои благие намерения. — Нет уж, убивать животных я не буду, — сказал он, показывая на параграф пятый, где ясно было сказано, что держать домашних животных запрещается.

— Вам вовсе не обязательно их убивать, можете просто продать, — заметила фру Сальвесен, секретарь кооператива.

— Продать кур? Голубей? Кошку?

Андерсен посмотрел на нее таким странным взглядом, что Хермансен поспешил добавить:

— Ну, кошку, я думаю, вы можете оставить. Правда, это будет нарушением Правил, но, принимая во внимание...

— Нет, так не пойдет, — сказал Андерсен и покачал головой. — Жена... — он обернулся к жене, которая в это время подошла к ним.

— И дети! — добавила фру Андерсен, кивая на трех малышек, вцепившихся ей в подол.

Андерсен тоже взглянул на своих детей. Потом он снова покачал головой и вернул Правилу фру Сальвесен.

— Извините, но животных мы у себя оставим.

— Но вы же, надеюсь, понимаете, что в современном поселке держать такой зоопарк

просто нельзя, — раздраженно сказал Хермансен, кивнув на свинной закут и на курятник, в котором было полным-полно белых итальянок. — А если все жители поселка станут делать то же самое? Представляете, на что это будет похоже?

— Так разве мы против? Ведь правда, нет, Хильдур?

— Пусть разводят кого хотят. Будет просто чудесно! — улыбнулась фру Андерсен.

Это лишь один из многочисленных эпизодов, подвергших терпение и стоворчивость правления тяжким испытаниям. Беглое знакомство с протоколом заседаний Правления «Кредита — дебета» (так в просторечии называли этот кооператив, поскольку большинство его членов были служащие Норвежского центрального банка) показывает: вопрос о семье Андерсенов в первые пять лет существования кооператива стоял на повестке дня восемнадцать раз. Правление обращалось к целому ряду районных инстанций, но совершенно безрезультатно. Привлекли даже общество защиты животных. В его заключении говорилось, что животные у Андерсенов чувствуют себя прекрасно и причин для административного вмешательства нет. Казалось, положение складывается абсолютно безвыходное.

Кооператив был зарегистрирован как частная организация пайщиков, и экспроприировать участок Андерсенов было нельзя. Правда, участок пытались просто купить, но это тоже не получилось: продавать его Андерсен и не думал, хотя взамен предлагали отличный стандартный дом.

— Едва ли в нем нам будет уютно, — вот единственное, что ответил Андерсен на это предложение.

Тогда Хермансен придумал новый ход: предложил архитектору разработать план полной модернизации участка Андерсенов — их дома и сада, — добился согласия правления на банковскую гарантию строительных расходов. Это был смелый план, суливший Андерсенам немалые выгоды. Возрастала стоимость дома. Андерсена безвозмездно подключали к кооперативному водопроводу и канализации (а пока семья пользовалась колодезем, и уборная была во дворе), он становился членом кооператива — с правом голоса и участия в общих собраниях. Разумеется, из этого следовало, что он будет обязан выполнять все правила и предписания, принятые кооперативом.

Эта идея поначалу вызывала серьезные возражения у членов правления, но Хермансену все-таки удалось добиться своего. Он утверж-

дал, что интеграция и тесное сотрудничество — единственный путь, позволяющий держать Андерсенов в узде.

Правление пригласило Андерсена и его жену на свое заседание, которое проводил юрист кооператива. Хермансен лично попросил архитектора сделать эскизы покрасивее, с цветными рисунками будущего фасада и участка. Кроме того, подали шерри и печенье.

И Андерсен, и его жена были в восторге от эскизов, о чем и заявили во всеуслышание. Но когда Хермансен доложил о планах переустройства, закончив сообщением о банковской гарантии, Андерсен сразу же отказался, заявив, что у него нет денег.

— У меня жена и трое ребят, — сказал он, виновато улыбаясь, — и как знать, вдруг у меня скоро появится еще один!

Ничуть не помогли и заверения в том, что он ничем не рискует, поскольку гарантом выступает правление.

— Да, но тогда у меня будут долги, правда?

— Разумеется, долги у вас будут, — сказал один из членов правления. — Но ведь у нас у всех долги. Все дома построены в рассрочку.

— Нет уж, я бы хотел без долгов обойтись и жить так, как живу. Ты ведь согласна, Хильдур?

Хермансен, который сам работал в банке, попытался ему объяснить, что долгов бояться нечего. Наоборот. При экстенсивной экономике долги — это необходимость, более того — предпосылка здорового экономического развития. Если бы все вот так противились долгам, пришлось бы остановить производство и во всей экономике наступил бы застой. Он добавил, что, разумеется, понимает и уважает экономические принципы Андерсена.

Однако оказалось, что отказ Андерсена объясняется вовсе не принципиальными соображениями.

— Вот послушайте. Если Хильдур и я залезем в долги, для того чтобы разукрасить дом и сад так, как вы хотите, то мне придется работать гораздо больше, чем теперь. А мне это ни к чему. Ты ведь согласна со мной, Хильдур?

— Конечно, Карл Альфред, — сказала фру Андерсен.

— Любое повышение жизненного уровня требует, разумеется, соответствующего роста производства, то есть увеличения производительности труда, — согласился Хермансен.

— Но я-то не на производстве работаю, а в фирме по сносу — мы сносим старые дома.

— Не вижу никакой разницы, — пожал плечами Хермансен. — Это очень нужная и

уважаемая профессия, и работа у вас постоянная, не так ли?

— Так. Но дело в том, что у нас бывает иногда много работы, а иногда мало — и можно домой уйти. А если у нас будут долги, вычеты, выплаты и прочая чертовщина, то мне придется попотеть. Может быть, даже сверхурочно.

— Хорошо, что Карл Альфред иногда может освободиться от работы и побыть дома со мной и детьми, — сказала фру Андерсен с виноватой улыбкой. — Но, по-моему, рисунки очень красивые.

— Да вы понимаете, что они стоили кооперативу две тысячи крон? А теперь, оказывается, никому не нужны, — вздохнул херр Коршму, кассир кооператива. В банке он тоже работал кассиром.

— Вот беда-то, — огорчилась фру Андерсен. — Будь у нас деньги, мы бы купили эти картинки и повесили на стену. Смотрели бы на них и представляли, как бы мы могли жить.

— Возьмите эскизы, у архитектора наверняка осталась копия, — сказал Хермансен. Он был опытный делец и еще надеялся спасти свой план. Может быть, Андерсен и его жена передумают, если рассмотрят эскизы у себя дома в тишине и спокойствии.

— Очень вам благодарна, — сказала фру Андерсен. — Я вам дам по десятку яиц каждому, как только куры начнут нестись.

Разумеется, в поселке никто не хотел знать с Андерсенами. Они жили, как и раньше, не обращая внимания на холодок, с которым к ним все относились. Все, кроме детей. Оказалось, что дом и участок Андерсенов обладают почти волшебной притягательной силой, действующей на юных жителей поселка.

Здесь они вытворяли все, что ни вздумается. Восторженно встречали Андерсена, когда тот возвращался после сноса очередного дома и в кузове грузовика было полно всякогохлама, который можно приспособить для игры. С увлечением кормили животных и обшаривали все мусорные ящики поселка в поисках корма свинье и курам. Дошло до того, что Андерсен разрешил завести в саду кроликов и устроить для них клетки.

Положение становилось все хуже. В саду Андерсенов царил неопиcуемый хаос: клетки, животные, какая-то рухлядь, дети... Сначала родители смотрели на эти безобразия сквозь пальцы. Главное — держать детей подальше от своих собственных газонов и грядок. Да и фру Андерсен умела обращаться с детьми. Потом, однако, вдруг оказалось, что Андерсен и его жена обвели всех вокруг пальца. Она вовсе не была его женой; они даже не были женаты, хотя нажили четверых детей, связь

продолжалась, должно быть, уже почти двадцать лет, во всяком случае, старшей дочери уже исполнилось восемнадцать, младшая же появилась на свет через несколько месяцев после того, как заняли первый дом в поселке.

Разумеется, это давало делу совсем иной поворот; чтобы уберечь детей от дурного влияния, было решено построить детскую площадку для самых маленьких.

Кроме того, предполагалось оборудовать в подвале магазина игротеку, но эту идею пришлось оставить, поскольку помещение пока было занято под бомбоубежище. К тому же в нем проходили общие собрания членов кооператива.

Чтобы собрать деньги на строительство детской площадки, устроили лотерею и блошинный рынок.

Блошинный рынок удался на славу. Многих просто обрадовала возможность избавиться от ненужных вещей. Хермансен пожертвовал прекрасный холодильник; он давно собирался купить себе новый. Фру Сальвесен подарила мебель для столовой и вместо нее купила себе старинную, крестьянскую. Пример оказался разительным. В палатке, поставленной для этой цели, скоро собралась целая гора вещей. Теперь уже появились трудности со сбытом, никто не хотел покупать друг у друга это старье. Кроме того, большинство обзавелось гарнитурами и старинной крестьянской мебелью, купленной у антиквара. К счастью, фру Сальвесен нашла выход: опубликовали объявление в газетах, и через два дня явились скупщики.

Денег хватило практически на все. Участок привели в порядок и заасфальтировали. Площадку обнесли высокой изгородью из металлической сетки, а внутри поставили всякие аттракционы ценой в несколько тысяч крон. Часть денег выделил муниципалитет.

Открывать детскую площадку должен был бургомистр во вторник, 12 июня. Но в тот же день произошло еще одно событие, которое поначалу казалось пустяком, но позднее сильно повлияло на жизнь всего поселка. И здесь был тоже замешан Андерсен.

Особенно возмущало жителей поселка то, что Андерсен не имел никакого уважения к рамкам рабочего дня. Он мог и вовсе не ходить на работу, если его больше интересовало что-то другое. Разумеется, это отражалось на зарплатке, и семья еле-еле сводила концы с концами. Тем не менее нельзя было сказать, что жена пытается как-то повлиять на него. Наоборот. Несколько раз ее видели в телефонной будке у магазина. Она звонила мужу на работу и

прямо-таки упрашивала идти домой. Фру Лейвестад, которая сама имеет троих детей, однажды, ожидая очереди в автомат, случайно слышала такой разговор. По ее словам, фру Андерсен выманывала мужа домой настолько безразличным способом, что пришлось бежать в сад Андерсенов за младшими Лейвестадами, чтобы те не успели увидеть неположенное. При всем при том нельзя было назвать Андерсена просто лентяем. Нет, он все время был чем-нибудь занят — к сожалению, чаще всего совершенно бесполезными делами. В последнее время он возился со старым автомобилем, который давным-давно пора было сдать в металлолом. Этот «бьюик» выпуска 1928 года уже почти врос в землю, когда Андерсен решил вытащить его из зарослей кустарника. Старшая дочь Андерсена, Туне, влюбилась в Эрика, сына председателя правления Альфа Хермансена. Эрик и Туне собирались отправиться летом в путешествие. Эрик знал, просить машину у отца бесполезно — Хермансен очень гордился своим новеньким «рамблером», — и Андерсен тут же взялся за ремонт «бьюика», поклявшись, что в течение июня машина будет в полном порядке и пройдет автоинспекцию.

Из-за этого ему теперь приходилось работать за полночь, но тем не менее он вставал, как обычно, в пять утра бессовестно бодрым. Расхаживал по саду, что-то мурлыча себе под нос, разговаривал со свиньей, которая скоро должна была опороситься, кормил кур, на ходу вырывал подвернувшийся под руку бурьян и даже успевал подкрутить пару особенно неподатливых гаек в машине, пока жена готовила завтрак.

В канареечно-желтом халате, купленном мужем, она расхаживала по кухне-гостиной, занимавшей всю площадь бывшей мелочной лавочки, помешивала кофе, наслаждаясь его запахом, и изредка поглядывала на мужа, который гонялся за курицей. Улыбаясь, смотрела, как тот носится по двору. Андерсену стукнуло сорок два. Он был худощав, жилист, волосы начали редеть. Назвать его атлетом было бы преувеличением, но за непринужденностью движений все же угадывалась какая-то сила и гибкость. Фру Андерсен была на три года моложе. Округлость ее форм остальные женщины поселка считали признаком вульгарной чувственности. Она обладала той редкой притягательностью походки, которая напоминает о том, что женское тело, в сущности, просто великолепная штука. Андерсен любил смотреть на жену, когда она хлопочет.

Кофе вскипел, и фру Андерсен разлила его в чашки, нарезала крупными ломтями хлеб на

дощечке, поставила на нее чашки и вынесла завтрак на крыльцо. Утро стояло чудесное. Внизу, в долине, над городскими крышами вился легкий туман, а здесь у них воздух был прозрачен, как стекло. Над кустами и курятником сверкала росой паутина, крохотные радуги играли на ее тонкой ткани. Запыхавшийся Андерсен уселся рядом с женой. Он глотал кофе и смотрел за курицей, которая стала понемногу успокаиваться.

— Только бы она не забралась к соседям, — пробормотал он, с беспокойством глянув на аккуратненькие коттеджи, которые были едва видны из-за разросшихся кустов.

— Да ладно, Туне ее поймает, — беззаботно сказала фру Андерсен. — Тебе сегодня на работу?

— Придется идти. Нужны запчасти для машины. А еще мы начали ломать новый дом, и я не хочу, чтобы это прошло без меня.

— Жилой дом?

— Да. Очень хороший. Шестиэтажный. Тебе ничего не нужно?

— По-моему, у нас все есть.

— Там осталось кое-какое кухонное оборудование.

— Рогер просил звонок. У него ведь скоро день рождения.

— Будет звонок, — Андерсен пометил что-то на клочке бумаги. — Раскладушки тебе не нужны? Там на чердаке их целая гора. Комоды тоже есть.

— Может быть, комод? И хорошую ванну, если попадется.

— У нас же есть ванна!

— Ту Малышка приспособила под золотых рыбок.

— Надо еще старой фанеры привезти, — сказал Андерсен, когда они шли к грузовику. — Я вижу, ребята начали новый сарай строить.

— Они, наверно, перестанут к нам ходить, когда откроется детская площадка.

Андерсен задумчиво кивнул и уселся в кабину. И не заметил, как курица проскочила за ворота, когда грузовик выезжал задним ходом.

— Кроликов-то они все-таки придут покормить, — сказал он, чтобы утешить жену. Обои было немного грустно, что дети больше не будут играть у них в саду.

Андерсен медленно ехал по поселку. Было только шесть часов, никто еще не вставал. По обе стороны дороги стояли ухоженные, чистенькие коттеджи, совершенно одинаковые — даже газоны, изгороди и цветочные клумбы были одинаковые. Ровными рядами стояли автомо-

били, и солнце сияло на их блестящем лаке. Будто через рекламную брошюру едешь, подумал Андерсен. Он не переставал удивляться всем этим домам, выросшим вокруг.

Двадцать лет ездил он этой дорогой и помнил открытые просторы, сосны на холмах, курятники и валуны — все то, что здесь когда-то было. А теперь живешь почти что в городе, и вокруг люди, дома и ярко раскрашенные грибки-зонтики на участках. Хорошо выезжать рано утром, пока за опущенными шторами все спят. Он ничего против не имел, приятно, когда кругом народ, но тут приходилось признать, что все вышло совсем не так, как он надеялся. От него хотели избавиться, а он не понимал почему. Андерсен не уставал дивиться такой странности, но теперь задумывался над этим реже, чем в первые годы.

Дом, который предстояло ломать, был совсем в другом конце города. Знали пустые глазницы окон, на тротуаре — горы кирпичей и битой штукатурки. Дом словно разбомбили. Во дворе штабелями стояли снятые двери и рамы, и целая толпа мальчишек в диком восторге била стекла. По ступенькам сбежал пожилой человек. Он был вне себя от ярости и не заметил грузовика. Андерсену пришлось из всех сил нажать на тормоза. Это был Сельмер, его товарищ по работе.

— Я вас, шпана проклятая! — орал он, грозя мальчишкам обломком кирпича.

— Привет, Сельмер.

— Привет, — Сельмер бросил кирпич и уныло вздохнул, посмотрев на рамы. — Шпана проклятая, — повторил он потише. — Мне бы эти рамы в хозяйстве пригодились.

— Да их тут полно, чего ты волнуешься.

Они медленно пошли по лестнице. На площадках были сложены оконные переплеты, дверные косяки, кухонные шкафы, унитазы и потрескавшиеся раковины. Андерсен шел впереди и нажимал на кнопки звонков.

— Никого дома нету, — брюзгливо проворчал Сельмер.

— Мне нужен звонок для Рогера. Да звук не нравится.

На лестнице было темно, но когда поднялись на чердак, в глаза брызнуло солнце, светившее сквозь балки, ощерившиеся на голубое небо. Сельмер ударил ломом по одной из балок, и из дальнего угла на чердаке вылетел голубь.

Андерсен сразу же понял, что где-то здесь голубиное гнездо. Вскрабкался на ящик. Вот оно. Яйца лежат рядышком друг с другом.

— Скидывай! — нетерпеливо сказал Сельмер, держа лом наготове.

— А яйца?

— Ты же их есть не будешь.

— Тебе только пожрать, — сердито сказал Андерсен. — А из них, может, птенцы через пару дней выведутся.

— Ну решайся. Или дом ломать, или гнездо сторожить.

Андерсен молчал. Высоко в небе кружил голубь, наверное, смотрел на них и на свое гнездо. Голубь заметный — на шее белое пятно и на крыле тоже. Вдруг он резко снизился и уселся на балку.

— Возьму гнездо домой, — твердо сказал Андерсен.

— А кто яйца высидит будет? Жена?

— Верно. Голубя тоже нужно забрать.

Он спрыгнул с ящика и пошел по чердаку, что-то отыскивая. Сельмер сдался и сел в пыльное кресло в углу. Здесь было полным-полно всякого старья: поломанные кухонные мойки, диваны, старые картины, фетровые шляпы... В углу Андерсен нашел старую клетку для канарейки и, бережно отцепив, положил туда гнездо. Голубь взволнованно семенил по балке взад и вперед. Андерсен открыл клетку и подложил под дверцу щепку.

— Теперь можно поесть.

Сельмер задумчиво погладил себя по животу. В животе бурчало.

— Без четверти десять, — пробормотал он недовольно, но все-таки поднялся с кресла, ибо по собственному опыту знал, что Андерсена не переспоришь. Когда подошли к двери, голубь уже расхаживал возле клетки.

Завтракать уселись во дворе. Скоро с этажей спустились и остальные рабочие. Один из них вынул из кармана пачку карточек футбольной лотереи и раздал. Когда-то они пытались играть в спортлото сообща, но бесконечные споры и раздоры привели к тому, что теперь каждый заполнял карточку сам. Андерсен в футболе не разбирался и поэтому обычно подсматривал, что пишет Сельмер. Но на сей раз Сельмер сидел к нему спиной, неприступный и погруженный в свои тайны.

— Как, по-вашему, сыграют «Фригг» и «Люн», а, ребята? — спросил Андерсен.

Ребята переглянулись, одарив его высокомерным взглядом, от которого никак не сделаешься умнее, после чего снова погрузились в сложные системы расчетов. Иногда они вполголоса обменивались мнениями о технических тонкостях футбола, об игре того или иного футболиста.

Взгляд Андерсена остановился на оконных рамах, стоявших вдоль стены. Рамы были старинные с переплетами — три клетки в ширину и шесть в высоту. Мальчишки уже успели кое-где побить стекла, и Андерсен стал заполнять

карточку, ставя крестики в таком порядке, в каком были выбиты стекла. В последнем ряду все стекла были целы. Чтобы не ставить крестик наобум, Андерсен потихоньку поднял с земли камень и прицелился. Бросок был мастерский: стекло разлетелось вдребезги.

— Шпана проклятая! — взревел Сельмер, вскакивая с кресла.

— Они уже удрали, — сказал Андерсен, заполняя последнюю клетку в своей карточке.

* * *

Знай курица Андерсена — белая итальянка, — что ей остается жить всего полтора часа, она бы наверняка вела себя умнее и осталась дома. Но она пребывала в счастливом неведении того, что ее ожидает, хотя и чувствовала какое-то смутное беспокойство, которое одолевает всякий раз, когда яйцо уже на подходе. Ей казалось, что курятник Андерсена не самое надежное место для яйца, столь дорогого сердцу, и, веря своему инстинкту, направилась к стандартным домам. Ей нравились эти элегантные газоны, ухоженные цветочные клумбы, а сама прогулка по нагретому солнцем асфальту давала ни с чем не сравнимое ощущение роскоши.

В поселке царил покойствие: ни людей, ни кошек, ни свиней. Все спали. Она задумчиво ковыляла от дома к дому; иногда, вырвав и отшвырнув лапой какой-нибудь левкой или бархатец, купалась в теплом черноземе у веранды. Из домов временами доносились странные звуки, рокошующие, как шум далекого водопада, слышался сердитый мужской голос: «Ты скоро там кончишь!» Что-то бурлило и булькало, плакал ребенок, звонил где-то будильник. В одном из домов тикающий будильник стоял на подоконнике.

Курица склонила голову набок, прислушиваясь к непонятым человеческим звукам, доносившимся из этого дома и почему-то напоминавшим ей уколы шпор, распушенные перья петуха и его неистово хлопающие крылья. Потом вдруг прорезался какой-то замученный мужской голос: «Ты с ума сошла, мне же сейчас на работу», — но другой голос, воркующий, женский, задавил эти слова, едва дав им родиться, и когда снова прорвалась речь мужчины, слышен был лишь полузадушенный шепот: «На работу...»

Часы на подоконнике вдруг зазвонили, и курица, вздрогнув, испуганно побежала дальше. Это ей давалось все трудней и трудней. Она уже чувствовала теплую тяжесть яйца, к тому же теперь весь поселок по-настоящему проснулся — открывались окна, хлопали двери, женщи-

ны вывешивали проветриться постельное белье. Курица взяла курс на единственный дом, в котором все пока было спокойно. Из открытого окна кухни не доносилось ни звука, и она, проскользнув сквозь кусты, умиротворенно устроилась под верандой. Ибо вот-вот должна была снестись.

Если бы итальянка взглянула на табличку у двери, то наверняка взяла бы, как говорится, ноги в руки: она попала к своему злейшему врагу, председателю правления Альфу Хермансену.

Тишина в доме Хермансена была вполне обычным явлением. Все молчали, потому что говорить было не о чем. Часы показывали 8.15. Хермансену идти в банк, Эрику — в школу, а хозяйке оставаться дома. Все, как обычно. Семья завтракала. Мужчины жевали, глотали кофе, шелестела газета, фру Хермансен заворачивала бутерброды в бумагу. Зазвонил телефон.

— Это из «Дагбладет», тебя, — сказала фру Хермансен таким тоном, будто из газеты звонили каждый день. — Наверное, насчет детской площадки, — добавила она, протягивая трубку мужу. Хермансен торопливо жевал, чтобы освободить рот.

— Да, я вас слушаю! — закричал он, и его чуть строгое лицо сделалось вдруг добродушным, почти веселым. — Да-да, верно, я был председателем комиссии по детской площадке. Открытие состоится сегодня вечером. Будет небольшая торжественная церемония, и мы вас ждем. Бургомистр любезно согласился присутствовать на открытии. Мы постараемся обставить все как можно торжественней. Ради детей!

Он стоял спиной к кухне и не видел насмешливой grimасы Эрика, не заметил и строгого взгляда жены, которым она наградила сына за то, что тот не проявляет должного уважения к отцу. Зато услышал тихое кудахтанье курицы и высунулся в окно, но ничего не обнаружил. Увидел только новую блестящую сетку вокруг детской площадки, качели, песочницы, шведские стенки.

Он с довольным видом улыбнулся в трубку.

— Конечно, пришлось потрудиться, но ведь у нас в поселке все так стремятся к сотрудничеству, что каждый, да, практически каждый, внес свою лепту в общее дело. Особенно мне хотелось бы отметить фру Сальвесен, секретаря правления...

На сей раз grimасу сделала фру Хермансен. Она терпеть не могла излишней ретивости и ханжеского жеманства фру Сальвесен. Кудахтанье стало слышнее. Хермансен махнул рукой

Эрику, показывая знаками, чтобы прогнал курицу, но тот торопливо запикивал учебники в портфель.

— Фотографию? — переспросил Хермансен, на мгновение забыв о курице. — Что ж, если нужно... Впрочем, у вас есть моя фотография — вы снимали меня, когда мы открывали строительство нашего поселка. Я там даже рядом с министром, хе-хе... — Он скромно улыбнулся. — Ах, детей? — Улыбка тут же исчезла с его лица. — Ну, разумеется, вам нужна фотография детей, — пробормотал он, избегая взгляда жены. Быстро прикрыв трубку рукой, зарычал на Эрика: — Убери ее, чтоб ей пусто было!

— Делай, что отец говорит, — сказала фру Хермансен, бросив украдкой обеспокоенный взгляд на мужа.

На улице слышалось громкое кудахтанье. Оно не было похоже на обычную хвастливую шумиху после удачно снесенного яйца, скорее это был крик беглеца, которого преследовали по пятам. Эрик глянул в окно и вдруг повеселел:

— О'кэй, мать, я ее поймаю!

Фру Хермансен видела в окно, как он несется по газонам, а его догоняет Туне Андерсен.

Туне и Эрик гонялись за курицей до изнеможения, но та оказалась на редкость изворотливой. Несколько раз они прижимали ее к забору или к стене, но как только Эрик собирался ее схватить, она выскакивала из-под рук, вопя от предсмертного ужаса. В конце концов удалось загнать курицу на участок Андерсенов. Она застряла в щели между досками ограды, и Эрик бросился на нее, как вратарь на мяч, но опять ничего не добился и сидел с дурацкой физиономией, зажав в кулаке перья из куриного хвоста. С громким кудахтаньем курица взлетела на ветку высокого ясеня, росшего в саду. Эрик и Туне полезли за ней. Стало тихо. Немного погодя курица спланировала вниз и, отряхнувшись, с достоинством двинулась обратно к дому Хермансена, чтобы проверить, цело ли яйцо. Вверху, на дереве, было по-прежнему тихо.

Хермансен между тем закончил свою пресс-конференцию. Он был недоволен собой. Не звучала ли в голосе редактора скрытая ирония, когда речь шла о фотографии? Да и в глазах жены, кажется, виднелась насмешка.

Кроме того, он устал. Он прирабатывал дома, вчера просидел до полуночи. Нервными, торопливыми движениями запикинул он в папку приходо-расходные книги.

— Это уже в третий раз! Он превращает в курятник весь поселок!

— А ты пожалуйста, — мягко сказала жена, — попроси, чтобы починил забор.

— «Пожалуйста»? Да я поставлю вопрос на первом же заседании правления! Их гнать отсюда надо!

— Кур?

— Андерсенов! Убрать это воронье гнездо, из-за которого поселок похож на трущобы! Весь этот хлам, кур, детей — всех вон!

— Но ведь ты так любишь детей.

Они какое-то мгновение смотрели друг на друга, потом он повернулся и ушел. Она пожалела о своих словах, потому что немного опасалась за его сердце.

— Если еще будут звонить из газет, дай им номер моего рабочего телефона! — крикнул Хермансен из прихожей. — И присмотри за тем, чтобы ребята не пролезли на детскую площадку до открытия!

Он забыл взять пакет с бутербродами, и жена побежала вдогонку. Но он был уже возле машины, а когда на балконе в доме напротив она увидела фру Сальвесен, то догонять мужа совсем расхотелось.

Наступал самый торжественный момент в ежедневной жизни поселка — момент, когда глава семьи, мужчина, оставляет свое жилище, свою жену и детей и отправляется на службу. Стук дверцы автомобиля, шум запускаемого мотора и незаметный прощальный жест в сторону кухонного окна, где остается жена, полная решимости защищать дом и очаг до конца.

Это, конечно, красочное зрелище — пробудившаяся и закипевшая жизнь. В какое-то мгновение поселок вдруг превращается в огромный шумящий автопарк. Газ из выхлопных труб туманной дымкой стелется над асфальтом и зелеными газонами. Машина за машиной выбираются на дорогу и, набирая скорость, исчезают вдаль. Потом все стихает. Дети опять могут бегать по дороге, чувствуя себя в относительной безопасности, а хозяйки — вывешивать на балконах постельное белье.

Хермансен опаздывал. Он был одним из немногих, кто накрывал чехлом свою машину. Его элегантный «рамблер» был в чехле из черного шелковистого нейлона. Хермансен на минуту остановился, рассматривая изящные очертания машины, угадывавшиеся под тонкой облегающей тканью. Потом осторожно отвязал тесемки под передним бампером, и чехол стал медленно сползать вниз. Хермансен нежно провел под ним рукой и ощутил дрожь в пальцах, когда коснулся гладкой полированной поверхности крыла. Потихоньку повел рукой дальше, по капоту, и тут же почувствовал приятно твердую выпуклость левой фары. На секунду за-

мер, потом быстрым движением дернул чехол. Весь передок теперь оголился. Хермансен не был уверен в том, что сам потянул чехол дальше, но черный нейлон медленно пополз вниз и улегся на земле. Вот она, его машина. Стоит. Сверкает лаком. Средоточие совершенных линий и потенциальной силы. Фру Сальвесен взяла чашку кофе, вышла на балкон и, сев в укромном уголке за ящиком с цветами, наблюдала за Хермансеном. Незаметно улынувшись, она окунула кусочек сахара в кофе и сосала. У нее были медно-красные волосы и почти совсем белая кожа. Хермансен сложил чехол. Медленно, чуть колеблясь, пошарил в кармане, ища ключ, но, когда вставлял его в замок и открывал дверцу, движения были уже спокойными и властными.

Прежде чем сесть в машину, он взял щеточку и смахнул пыль с подметок. Тяжело ворочаясь, устроился на сиденье. Машина мягко и пружинисто качнулась, потом двинулась вперед.

Хермансен успел проехать всего метров двести, когда перед ним появилась курица Андерсена. Она семеняла прямо по асфальту. Увидев перед собой сверкающее чудовище, вытянула шею и склонила голову набок. Потом вдруг круто повернулась и бросилась бежать. Воспоминания и мрачные предчувствия метались в курином мозгу, сливаясь в абстрактные мазки. Она не впервые убегала от неизбежного, но на этот раз ей не хотелось, чтобы ее догнали; ее ожидало не бурное и страстное хлопанье крыльев и стук петушиных шпор, а светло-желтое чудовище, скрывавшее под капотом восемьдесят лошадиных сил, и целеустремленный Хермансен, вцепившийся в руль. В смертельном страхе она закудаhtала.

Хермансен вышел из машины и поднял мертвую курицу за ногу. Перья еще подрагивали, маленькие красные капли стекали с клюва и падали на темный асфальт.

Он заметил почтовый ящик Андерсенов — покрашенной красной краской ящик из-под маргарина. С глухим стуком курица шлепнулась на дно. Когда Хермансен сел в машину, в почтовом ящике еще что-то дергалось, но потом все стало тихо.

Он встретил своего соседа и коллегу, мужа фру Сальвесен. Несмотря на свой сильный характер, ей не удалось убедить его в том, что им необходимо купить автомобиль. Он был с юга и со свойственным южанам упрямством, исключая любую фантазию, прекращал разговоры о покупке машины одной и той же фразой: «Я люблю ездить на велосипеде».

Он весело зазвонил, когда Хермансен обогнал его, и тот ответил коротким гудком. Два-

дцать минут спустя Хермансен снова услышал раздражающий велосипедный звонок. Это было уже на дороге, ведущей в Осло и забитой сейчас бесконечной очередью автомашин. Хермансен увидел только спину Сальвесена, удалявшегося между блестящими крышами машин. Сам он проезжал лишь по несколько метров и опять останавливался, потом двигался на несколько шагов вперед и снова ждал. Он страшно нервничал. Из-за происшествия с курицей приходилось опаздывать. Секундное чувство удовлетворения уступило место тяжелой, серой усталости. Ну вот, теперь и машину поставить негде!

Пять минут десятого он вошел в банк. Посетителей еще не было, но коллеги уже сидели на местах. Это были его соседи, он видел их каждый день дома, в поселке. Их, и никого другого.

Сев наконец на место, Хермансен долго отдувался, глядя на зарешеченное окошко кассы. Машину пришлось поставить у самого Брискебю, а потом бежать к банку через весь Дворцовый парк. Отдышавшись, он отпер ящики и достал свой личный гроссбух. Здесь были все контракты на рассрочку, оплаченные и неоплаченные счета, сроки всех платежей. Просматривать все это ему почти не требовалось: все в голове — расходы, доходы, кроны и эре. Борьба между дебетом и кредитом была в его жизни элементом героики, и в этой борьбе он не упускал из виду ни одной детали сражения. Перед ним ровными пачками лежали деньги. Хермансену не хотелось обладать ими, он никогда не забавлялся мыслью о том, что стал бы с ними тогда делать.

Хермансена занимало другое. Он достал карточку футбольной лотереи на эту неделю и аккуратно вывел на ней свою фамилию и адрес. Перед внутренним взором возникла картина — светло-серый автоприцеп с небольшими окнами и плавным ходом. Хермансен почти чувствовал мягкость его рессор, глядя в боковое зеркало. А через лобовое стекло виделся неясный ландшафт, мерцающее море и, кажется, пальмы. Рядом сидела не жена, а кто-то другой, хотя он добросовестно пытался представить себе именно жену; но рассмотреть удалось лишь туманные очертания профиля, оказавшегося настолько знакомым, что это заставило сердце биться сильнее.

— Как, по-твоему, сыграют «Фригг» и «Люн»?

Это спросил Коршму, сидевший в кассе рядом.

— Мяч круглый, — ответил Хермансен и стал заполнять карточку.

Ветер с моря трепал листья развесистого ясеня во дворе Андерсенов. Когда начинали раскачиваться ветки, ясеня словно оживал, становясь похожим на огромное зеленое облако, плывущее по небу. В листьях проглядывало что-то темное и нескладное: площадка, сбита из деревянных досок и огороженная перилами. Немного выше висели два гамака.

Это было личное убежище Туне, еще с детских лет; она отстаивала право на свободу личной жизни, и даже младшие сестры не имели права забираться туда без спроса. Но Эрик мог придти и сидеть там, когда хотел.

Туне лежала в одном из гамаков, а Эрик сидел и щекотал куриным пером ей под носом. Уголки рта чуть дрогнули, и она лениво отмахнулась рукой. Он воткнул перо ей в волосы, темно-каштановые, тяжелые, как у матери.

— Ты ведь не спишь! — ровное посапывание Туне было слишком правильным, чтобы его обмануть. На кофте он разглядел дырочку и, взяв за нитку, стал тянуть, распуская вязку. Туне вскочила.

— Перестань, балда, это же мамина! Бог ты мой, что она скажет?

— Интересно, что мне скажут в школе, — угрюмо сказал Эрик.

Она оторвала нитку и стала оплетать пальцы, играя «в узоры». Эрик уселся на краю гамака и смотрел на ее пальцы, создававшие все новые и новые узоры из нитки.

— А что тебе скажут?

— Не знаю.

— А что ты скажешь, если спросят?

— То, что обычно говорят в таких случаях. Пойду к классному руководителю и скажу, что, к сожалению, сегодня я немного опоздал. К сожалению! Извините!

— А если спросят, где ты был?

— Скажу... Вот слушай, что я скажу. На свете есть вещи очень важные и не очень, — он прерывисто вздохнул. — Самое важное — это быть вместе с тобой.

Он хотел ее обнять, но Туне вытянула вперед руки, перекинув нитяной узор на его пальцы, и они стали играть вдвоем.

— Так на Яве тоже делают. Я видела в кино.

— На Яве?

— Если двое влюблены друг в друга, то могут сидеть так целую ночь, играть и смотреть друг другу в глаза. И ни слова не говорить.

— Вот уж чепуха!

— Ты считаешь это чепухой?

— Да ты что! Я мог бы просидеть здесь целый день, но надо в школу.

— Ты расскажешь и про меня тоже?

— Кому это?

— Своему классному руководителю. Ведь скажешь, что был со мной?

— Неужели ты думаешь, что я об этом стану рассказывать? Ты это серьезно?

— Что же ты скажешь?

— Э, придумаю что-нибудь. Будильник сломался. Температура. Автобус не ходил. Мало ли. Ты так серьезно к этому относишься?

Туне разорвала нитку.

— Врать нельзя. Во всяком случае, о нас!

— Нет, врать надо. Представляешь, что получится, если говорить все так, как есть на самом деле? Что делал, думал сделать и хотел бы! Как ты считаешь, что бы мне сказали дома? А в школе? Если бы кто-нибудь узнал, например, чем мы здесь занимались?

Она смотрела в сторону.

— Нет, врать надо. Врать приходится почти всегда. О том, что тебе на самом деле хочется. Ведь все равно ничего не поймут. А если бы поняли, у нас с тобой была бы не жизнь, а черт знает что!

— Так нельзя!

Туне прислушалась к шуму листвы. Ей казалось, что она сидит внутри зеленого водопада. Она медленно вздохнула.

— Так нельзя! — повторила Туне.

— Но так оно есть!

— Чего тебе по-честному хочется?

— Того же самого, — смущаясь, сказал Эрик и подвинулся ближе.

Но Туне покачала головой. Он тоже прислушался к шороху листьев. Дул ветер с моря, летний бриз, и лето с шумом несло сквозь зеленую листву. Мелькали клочки голубого неба. А ему нужно в школу!

— Э, многого хочется. Иногда, например, хочется заорать.

— Глупости!

— Нет, правда. Если у человека на душе чертовски хорошо, то ему хочется кричать. Как тогда, во вторник, у ручья. Было до того здорово, я не думал, что так может быть. В первое время было не так, но во вторник... Когда я ночью шел домой...

— Тебе хотелось кричать? — В волнении она рвала остатки нитки. — Почему же ты этого не сделал?

— Здесь? Посреди поселка? Нельзя. Подумают — сумасшедший. Вот всегда так: иной раз хочется выкинуть какой-нибудь номер просто так. Но всегда на тебя кто-нибудь глазает и ухмыляется.

Туне смотрела на него не отрываясь.

— Ты не представляешь, как громко я могу крикнуть, — быстро сказал Эрик.

— А ты пробовал?

Он смущенно кивнул, и Туне снова с любопытством уставилась на него.

— Когда это?

— На каникулах в прошлом году. В пансионате. Когда открытку от тебя получил.

— Ну подумаешь — открытка! И всего-то я написала, что живу хорошо.

— Да.

— Я писала ее в кафе. Мы с мамой были в городе и зашли в «Пернилле» выпить кока-колы. Я там и написала. Тогда был четверг.

— А получил я ее в пятницу. Когда увидел, что она лежит на полочке у администратора и она от тебя, я...

— Заорал? — спросила она в восторге.

— Нет, что ты! Там же люди кругом. Я взял лодку, отгреб подальше, так что берега почти не видно стало, и уж тогда...

Он набрал в грудь воздуха, и Туне быстро сказала:

— Давай сейчас крикни! Здесь мы можем орать сколько влезет!

Но он медленно выдохнул. На соседней ветке висели качели, и Эрик встал на них, держась руками за веревки. Туне перелезла и встала рядом. Они стояли, прижавшись друг к другу, качели начали раскачиваться — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Вокруг все свистело, листья задевали по лицу, и вдруг Эрик открыл рот и закричал. Это был крик, начинавшийся где-то в области живота и кончавшийся высоко в небе; безудержный хохот и безоглядное счастье, сливаясь воедино, летели над крышами домов. Казалось, легкие готовы лопнуть от распиравшего их воздуха; Туне и Эрик неслись, тесно-тесно прижавшись, и чувствовали, как их неодолимо тянет вверх, потом на секунду замирали в воздухе и, падая вниз, опять издавали громкий ликующий вопль.

— Боже мой! — простонала женщина, шедшая в магазин, испуганно схватилась за сердце и хотела еще что-то добавить, но в тот же миг раздался новый вопль, еще громче прежнего. Она обернулась к фру Сальвесен, которая убирала с балкона постельное белье.

— С этим нужно кончать!

— Это варварство, — сердито ответила фру Сальвесен, сворачивая простыни и перины вместе. Ей тоже хотелось кричать. Она стояла, зарывшись лицом в белье, белое, чистое, только что выстиранное и ничем не пахнущее, и вдруг вцепилась в перину зубами. Но тут же взяла себя в руки. Пошла в спальню. Ее кровать и кровать мужа стояли вплотную, и это почему-то ее разозлило. — Варварство, — про-

бормотала она и пнула одну из кроватей с такой силой, что та стала наискосок. Крик доносился даже сюда, и фру Сальвесен резко захлопнула балконную дверь.

Монтер из энергетического управления нерешительно топтался у забора Андерсенов. Из засаленной папки он вытащил какую-то бумагу, сверил запись с фамилией на почтовом ящике и, убедившись, что попал по нужному адресу, двинулся вперед. Потом остановился и недоверчиво взглянул на почтовый ящик еще раз. Осторожно сунул туда палец и, увидев на нем красное пятно, понюхал. «Кровь!» — пробормотал он и зашагал по дорожке. Из дома доносилась тихая песня. Было слышно кудахтанье кур и похрюкивание свиньи, и поскольку сам он родился в деревне, это его немного успокоило. И ослов тут держат, что ли? Короткие скрипящие звуки, слышавшиеся из-за дома, очень напоминали ослиный крик. Монтер ездил туристом на Майорку и слышал там, как кричат ослы. Но, свернув за угол, он, к своему разочарованию, обнаружил, что такие звуки издает старый насос. Какая-то девочка качала воду. У стены стояла наполовину налитая ванна, и там плескалась маленькая девочка. Она была в одежде и пыталась поймать рыбок, сновавших по ванне, но это ей никак не удавалось.

— Что, малышка, рыбачим? — лгисто сказал монтер, но она не удостоила его вниманием. Быстро подняв руки, девочка шлепнула по воде так, что брызги полетели прямо ему в лицо.

Он поднялся на крыльцо и дернул за шнурок, прицепленный к связке старых бубенчиков, какие подвешивают коровам. Женский голос из-за двери пригласил войти.

В комнате он остановился, удивленно оглядываясь по сторонам. Несомненно, это старая лавка, с полками, прилавком и множеством другого магазинного оборудования вперемежку с обычной мебелью. Старый кассовый аппарат приспособлен для хранения ножей и вилок. Фру Андерсен как раз перетирала ножи и, увидев монтера, бросила их в ящик.

— Я из энергетического управления, — строго сказал монтер. — Пришел отключать свет.

— Очень приятно. Мы вас ждали, — улыбнулась фру Андерсен.

— Ждали? — он был сбит с толку и от растерянности даже забыл снять форменную фуражку. — Что значит — ждали?

— Ну, мы ведь получали от вас эти бумажки.

— Вам было послано три предупреждения!

— Четыре. Четвертое мы получили неделю назад.

— Три! — упрямо сказал монтер. — Мы всегда отключаем после третьего предупреждения. Так что теперь и не думайте просить об отсрочке.

Он положил свою папку на прилавок и вынул бумаги, плоскогубцы и свинцовую пломбу.

— Да не нужно нам никакой отсрочки, миленький! Идемте, я покажу, где щиток. — Она вытерла руки о фартук, собираясь идти в другую комнату.

— Разве вам электричество не нужно? — Ситуация была совершенно непривычная.

— Летом оно ни к чему. Вечера светлые, да и со свечками посидеть тоже приятно.

— А еду детишкам вы на чем будете готовить? Я в саду их видел, — он потрогал форменную куртку — еще не высохла...

— Разведем костер. Мой муж просто обожает костры. Старый любитель природы, понимаете. Он работает по сносу домов, так что дров у нас всегда хватает.

Монтер поморгал. Работало радио, передавали сводку погоды и биржевые новости, и фру Андерсен, решив, что шум раздражает гостя, повернулась, чтобы убавить громкость. Но в этот момент в комнату влетела Малышка, держа в кулаке золотую рыбку.

— Мам, мам, я ее поймала, поймала! — торжественно кричала она.

— Что ж ты делаешь, она ведь у тебя задохнется, умрет, — фру Андерсен быстро опустила рыбку в алюминиевый кофейник и налила туда воды.

— Ну а теперь беги играй. И скажи Сильви и Рогеру, чтобы разводили костер. Электричество отключают.

В саду раздался радостный вопль. Фру Андерсен снова обернулась к монтеру, но вдруг что-то вспомнила.

— Боже мой, я же ее в кофейник сунула! А вдруг гуща в жабры попадет? Да, кстати, может, вы выпьете чашку кофе перед тем как отключать? Пока плита не остыла?

— Где у вас предохранительный щиток? — сдерживая себя, спросил монтер.

Фру Андерсен открыла дверь в комнату Туне.

— Извините за беспорядок. Когда вы придете в следующий раз...

Он остановил ее:

— Включать будет другой. Я только отключаю, — монтер взялся за коробку с предохранителями.

Собственно говоря, он чувствовал себя обманутым, сбитым с толку. Пятнадцать лет он ходит и отключает свет. Знает наизусть все

доводы и мольбы об отсрочке. Одни злятся, это самый легкий случай — тут уж дело идет быстро. Другие ударяются в слезы. А здесь все было не так. Вообще-то монтер собирался дать отсрочку, ибо, в сущности, был добрым человеком. Кроме того, как старый работник он сам установил себе норму — одна отсрочка в день, но фру Андерсен не давала ему проявить доброту.

— Собственно, я не имею на это права, но если вы обещаете заплатить в течение дня, то... — он обернулся, ожидая услышать вздох облегчения, который знал так хорошо и который приводил в хорошее настроение его самого.

— К сожалению, у меня нет ни эре.

— Ну завтра!

— У мужа получка только в пятницу.

Монтер с треском захлопнул крышку щитка.
— Ладно, пусть будет пятница, но только ни днем позже!

Он не мог понять, почему у нее стало такое огорченное лицо.

— Может быть, все-таки можно отключить сегодня?

— Отключить? Вы хотите, чтобы я отключил?

— Ребят не хочется огорчать, — фру Андерсен смотрела виновато, и монтер почувствовал себя совсем нехорошо. — Я обещала им развести костер, а если есть электричество, какой тогда в нем смысл?

— Ну, как хотите! — выдавил он наконец и вывернул пробки.

Радио сразу онемело, и фру Андерсен услышала крик Малышки в саду. Та стояла возле ванны, отчаянно размахивая кофейником.

— Мам, мам, она в горлышке застряла!

Фру Андерсен взяла носик кофейника в рот и дунула. Хлюпнуло, и рыбка снова оказалась в воде, по-прежнему в полном здравии.

Ребятишки уже таскали дрова для костра. Найти дрова было нетрудно: повсюду валялись ветки и доски. Монтер зашагал к калитке. Дойдя до почтового ящика, он внезапно остановился, открыл крышку, заглянул внутрь и заспешил дальше. Было похоже, что он побегал за полицией.

— Туне! — крикнула фру Андерсен, подойдя к дереву и подняв голову. Ответа не было, только ветки слегка шевельнулись. Она пошла к калитке, открыла почтовый ящик и вынула мертвую курицу. — Ох, бедняжка! — осмотрев курицу, она установила, что раздавлена только голова. Тут же подбежали дети.

— Это Хермансен на нее наехал. Я видел, как он крутил рулем, чтобы попасть, — деловито объяснил Рогер.

— Ну и хорошо, что попал, отцу не придется рубить ей голову. И обед у нас сегодня тоже есть. Туне!

На этот раз фру Андерсен крикнула чуть громче и подняла бюстгальтер, валявшийся под деревом.

Туне и Эрик слезали слегка запыхавшись, одежда их была в беспорядке. Балансируя на ветке, Туне натягивала материну вязаную кофту.

— Ты думаешь, она нас понимает? — Эрик начинал выходить из себя.

— Узнаешь, когда слезешь.

— Ты оставайся здесь. Я поговорю с ней один. Обожди!

Эрик стоял перед фру Андерсен. Та критически разглядывала его.

— Привет! — храбро сказал он.

— Привет.

Он упорно смотрел на мертвую курицу.

— Хорошая погода сегодня.

Фру Андерсен кивнула.

— А как там наверху погода? Жарко?

— Да, чертовски жарко. Я побегу, пожалуй. Школа.

— Может, ты сначала умоешься?

— Да, пожалуй, рожу сполоснуть надо...

Она кивнула на бензонасос, и Эрик пошел к нему. Он мыл руки, а фрау Андерсен качала воду, причем рассматривала его внимательно, изучающе, но без неприязни.

— Лицо тоже вымой!

Эрик послушно вымыл лицо, но, когда полез в карман за носовым платком, она протянула бюстгальтер. Красный как рак, он принялся им вытираться.

— Ты ее любишь?

— Да, — со вздохом выдавил он и повернулся было бежать, но фру Андерсен знаком велела ему взяться за насос. Эрик с бешеной энергией качал воду, пока она стирала бюстгальтер.

— А она тебя?

— Да! — он сказал это твердо и решительно, но потом уже не так уверенно добавил: — Мне кажется.

— Ну а теперь беги. Приходи к обеду, если хочешь. Мы зажарим курицу!

— Спасибо большое!

Фру Андерсен усмехнулась, глядя ему вслед, но помрачнела, когда с дерева слезла дочь.

Туне стояла возле курицы, ковыряя носком туфли землю, пока мать вешала сушиться бюстгальтер.

— Сколько раз я тебя просила не трогать мои вещи!

Туне кинулась к матери: они стояли обнявшись, и мать покачивала ее в своих объятиях. Эх, молодость, молодость!

Потом фру Андерсен уселась и принялась оципывать курицу.

— Кстати, мне не нравится, что вы там наверху возитесь. Свалитесь и шею себе свернете.

— А где же нам еще? — Туне села рядом с ней. — Ведь детвора кругом, не повернешься.

— Постыдились бы так говорить, — фру Андерсен смотрела на детей, таскавших дрова. — У нас такой чудесный сад! Подумай только, у других ведь этого нет, вместо сада — газончик. Бедняги!

Она бросила взгляд на ясень, в ветвях которого еле виднелся гамак, качавшийся на ветру.

— Во всяком случае, в наше время мы жили на земле.

— Ты и отец?

— Да, мы с отцом.

— Расскажи, как ты его встретила. В первый раз.

Фру Андерсен кивнула головой на автомобиль.

— В машине... — разочарованно протянула Туне.

— Да нет, просто возле дороги. Я ехала на велосипеде и проколола шину.

Фру Андерсен задумалась, погрузившись в воспоминания.

— Ну вот, сидела я у дороги, рвала цветы и ждала, когда кто-нибудь поедет мимо.

— И приехал отец?

— Да. В машине. Она тогда была красивой. Блестела всюю.

— Папа тебе и починил велосипед.

— Нет, — задумчиво улыбнулась она. — Мы там пробыли ночь, а утром, когда встало солнце, он закинул велосипед на заднее сиденье. И мы поехали домой.

— Сюда?

— Да. Он купил эту лавку у какого-то разорившегося торговца, почти даром, потому что в то время никто не хотел жить за городом. Ты не представляешь, чего в этой лавке только не было! Ткани какие-то, фарфор, печенье и консервы. И пиво. Масса пива. Мы целый год жили припеваючи.

— Почему же вы не поженились?

— Супружество — серьезное дело, Туне. И почти всегда кончается разводом и всякими пакостями.

— Но ведь не все же разводятся?

— Нет, — фру Андерсен посмотрела на двух женщин, проходивших мимо. — Нет, не все. И часто это самое скверное. Тянут лямку,

грызут друг друга и считают, что делают добро своим детям. Просто больно смотреть. А не поженись они...

— Нет, те, кто любит друг друга, должны жениться, — упрямо заявила Туне.

— Кто это тебе сказал?

— Эрик.

— А ты не слушай мальчишек. Кстати, что он имел в виду? Он посватался?

— Что ты!

— Этого еще не хватало, — фру Андерсен явно стало легче на душе. Она принялась за костер. Над садом потянулся дым. Тут же с улицы набежали дети, одетые по-праздничному, будто на демонстрацию 17 мая¹, и расхватали куриные перья.

— Боже мой, до чего вы все нарядные! — сказала фру Андерсен.

— Мы идем на открытие детской площадки, — закричали наперебой ребята. — У нас будет оркестр! Самый настоящий, духовой!

— А моя сестренка будет разрезать ленту! — гордо сказал один из мальчишек.

— Врешь, просто ножницы держать будет!

— Давайте-ка идите отсюда. Что вам родители скажут, если вы все тут перемажетесь!

Ребята еще немножко повозились, поскольку разделить куриные перья без драки было трудно, потом ринулись за ворота.

Хотя Хермансен и считался председателем комиссии по детской площадке, движущей силой тут была фру Сальвесен. Мысль о том, что сад Андерсенов стал постоянным пристанищем всех детей поселка, не давала ей покоя.

Сначала Хермансен и другие члены правления относились к строительству площадки весьма скептически. И без того хватало забот: гаражи, ограда вдоль газонов, коллективные антенны... Но фру Сальвесен упорно стояла на своем. Она любила детей. Собственно говоря, именно любовью к детям и объяснялось то, что у нее самой детей не было.

— Нам нужно сначала расплатиться с долгами, — говорила она всякий раз, когда Сальвесен заводил речь о ребенке. — Я желаю своим детям добра и не хочу, чтобы они росли в условиях недостаточно прочной экономической базы. Они должны чувствовать себя желанными.

Она работала в банке, в отделе учета векселей, пока ей не стукнуло тридцать четыре. Тогда и встретился Сальвесен. Она любила ходить

¹ 17 мая — день норвежской конституции, национальный праздник Норвегии.

в театр и на концерты. Любила ездить за город, одна или с подругой, хотя предпочитала ездить одна. Именно это и подействовало на Сальвесена, человека мягкого и добродушного, большого любителя природы, втайне мечтавшего о белом домике на берегу фьорда, загорелых детишках, резвящихся на пляже, и о жене, ожидающей его на мостках, чтобы приветливо махнуть рукой, когда он подплывет на лодке с хорошим уловом макрели. Из всего этого у него не было ничего. Зато был красивый стандартный дом, участок в 400 квадратных метров с декоративными многолетниками и живой изгородью. Мебель, телевизор, холодильник и жаровня, за которые каждый месяц надо платить рассрочку. И жена. А детей, с которыми он ходил бы в походы, не было. И не потому, что он не был способен иметь детей, кажется, такие способности были, хотя и не до конца проверенные.

— Боюсь мы и не сумеем никого завести, даже когда надумаем, — говорил он в минуты уныния. — Скоро будет поздно! — Все время нужно было доставать все новые и новые вещи, все время платить рассрочку.

— Зачем ты меня обижает? К чему все время напоминать мне о моем возрасте? — отвечала жена.

Сначала фру Сальвесен тосковала по работе, ибо была очень деятельной и энергичной. Но когда ее выбрали секретарем правления кооператива, свободного времени не стало. Она нашла применение своей энергии.

А детская площадка была ее гордостью. Работа шла целых два месяца. Фру Сальвесен добилась того, чтобы под площадку дали участок, отведенный для постройки клуба. «Для детей ничего не жал!» — говорила она. Практически дело было решено с того момента, когда удалось заручиться поддержкой Хермансена.

И вот теперь детская площадка готова. Кусты и деревья выкорчевали, оставили только две сосны, чтобы детям было где полазать. Все очень красиво спланировано, кругом асфальт, гравий, по углам — четыре песочницы. Довольно дорого обошлось оборудование, кроме того, большие деньги вложены в саму изгородь — с прочной металлической сеткой, красивыми воротами и деревянной доской, на которой было вырезано «Волшебный двор» — название площадки. Фру Сальвесен очень хотелось, чтобы над воротами висел еще и лозунг: «Игра дает здоровье и чувство единства», — но эту идею комиссия, к сожалению, не поддержала. Хермансен вполне справедливо указал в этой связи, что площадка рассчитана на малолетних, не умеющих читать,

Зато фру Сальвесен могла похвастаться другой победой, куда более крупного масштаба, — скульптурой! Дело в том, что подрядчик, строивший и поселок, и детскую площадку, закупил множество произведений искусства, которые приспособлял повсюду, где приходилось вести строительство. У него был договор с одним выдающимся скульптором, большим специалистом по животным и птицам. Поэтому в городе было полным-полно бронзовых телят, ягнят, медведей и уток, кур и гусей; очень большой выбор и богатый ассортимент. Хермансен поначалу относился скептически и к этому предложению, поскольку читал в газетах, что подрядчик одержим искусством, знал он и приверженность скульптора к домашней птице. «Я думаю, что это будет не совсем уместно», — заметил Хермансен. Как раз накануне правление обсуждало вопрос о курах Андерсена. А если намекнуть подрядчику, что хотелось бы иметь скульптуру на иную тему, например, «Мать и дитя» или даже просто дитя, без матери? Остальные члены комиссии, однако, сочли, что это может быть неверно истолковано как подрядчиком, так и самим художником, а ведь свободу творчества ущемлять никак нельзя.

И скульптор изобразил не какую-то там жалкую курицу. Двух кур и петуха в бронзе! Они еще не были отлиты, но постамент уже стоял на месте, у самого входа, над которым висел плакат, написанный собственноручно фру Сальвесен. «Любовь детей — наша награда», — гласили крупные красные буквы на белом фоне. Кроме того, повсюду висели гирлянды и флаги, а поперек входа была натянута красная шелковая лента, которую на церемонии открытия должен разрезать бургомистр.

То, что бургомистр согласился присутствовать на открытии, тоже было заслугой фру Сальвесен. Когда она обратилась с этой просьбой, он не стал отказываться, а сказал, что это для него большая радость, и даже намекнул, что следует известить прессу, дабы общественность узнала об этом событии и получила наглядный пример того, какие плоды дает активность и инициатива.

Поэтому, когда ровно в половине пятого прибыл бургомистр, его уже поджидали несколько журналистов и фотокорреспондентов. Большинство жителей поселка отложили обед, чтобы присутствовать на церемонии, и площадь перед магазином была полна детей и взрослых.

Подняли флаг, заиграл духовой оркестр. Оркестранты были в синей форме, трубы сверкали на солнце. Бургомистр приветствовал правление кооператива, оркестр исполнил «Да,

мы любим...»¹, и процессия двинулась по улице. Впереди шли двое детей, каждый нес букет цветов. Следом шествовала маленькая девочка в национальном костюме с красной фланелевой подушкой в руках. На подушке лежали ножницы, с которых она не сводила глаз и так боялась споткнуться, что шла еле-еле, и фру Сальвесен приходилось подталкивать ее в спину, чтобы не замедлять шествие.

Маршрут был намечен заранее, но дирижер оркестра перепутал и повел процессию мимо дома Андерсенов. Туне и Эрик сидели у костра и следили за курицей, но, едва заслышав музыку, удрали. Фру Андерсен с тремя малышами подошла к калитке и, улыбаясь, приветливо махала рукой. Хермансена рассердило, что в строю кто-то из детей закричал ей «ура», а кое-кто хотел побежать в сад, но был вовремя остановлен твердой материнской рукой.

Оркестр бодро прошагал до входа на детскую площадку, где уже стояли бургомистр и члены правления кооператива. Фоторепортеры щелкали затворами, а родители старались поставить своих детей на передний план. Когда оркестр замолчал, закричали дети. Им хотелось, чтобы все это поскорее кончилось и им наконец дали поиграть на площадке. В последние дни ее держали закрытой, чтобы к торжественному моменту был идеальный порядок.

Хермансен похлопал в ладоши, призывая к тишине, но дети не поняли и тоже принялись хлопать.

Бургомистр украдкой бросил взгляд на часы. Он был занятой человек и до конца дня должен был успеть на заседания четырех комитетов. Когда он взял слово, то начал со своего собственного детства. Потом дал краткую характеристику изменений, произошедших в области детского призрания:

— Конечно, это вопрос в основе своей экономический, но здесь очень важно отметить изменения в чисто психологическом плане. Хотя мы живем в век атома и автомобиля, наш век — это прежде всего век ребенка. Дети наконец-то поставлены во главу угла, и это место принадлежит им по праву. Детская площадка, которую мы сегодня открываем, может служить символом и примером того, как изменилось отношение родителей и властей и к будущему вообще и к молодому поколению в частности.

Глядя в эти сияющие и полные нетерпения глаза детей, жаждущих вступить в обладание своим царством, от имени и по поручению муниципалитета города Осло я объявляю...

¹ «Да, мы любим эту землю» — первые строчки норвежского гимна.

Девочка потеряла ножницы и испуганно смотрела на пустую подушку. Бургомистр, предупрежденный о ритуале открытия, вопросительно взглянул на фру Сальвесен, но положение спас какой-то мальчишка из толпы, крикнув: «Рвите!»

Улыбающийся бургомистр взялся за ленту и хотел разорвать. Но лента была двухсантиметровой ширины и прочная, как шкура угря. Бургомистр старался изо всех сил, но ничего не получалось. Подскочил Хермансен, принялся за дело вдвоем. Каждый тащил в свою сторону. Пока шло это перетягивание каната, стояла полная тишина. Где-то далеко послышался шум автомобиля.

— Андерсен едет! — закричали ребята.

И в самом деле, подъехал грузовик Андерсена. Кузов был битком набит каким-то барахлом и старыми досками. Двое мальчишек пустились вдогонку и сумели влезть в кузов. И скоро уже все дети бежали за машиной Андерсена. Родители пытались их удержать, кричали им вслед, грозили, но все впустую: попробуй удерживать десять блох десятью пальцами.

Девочка торжествующе размахивала ножницами:

— Я нашла их! Нашла!

Но было уже поздно. Ленту разорвали, и бургомистр вместе с правлением под звуки оркестра прошествовал через ворота. За ними последовало еще несколько взрослых, но большинство осталось стоять снаружи.

В саду Андерсенов было полно детей. Они вскарабкались в кузов и начали разгрузку. Грохот стоял такой, что никто не расслышал, как отъезжал автомобиль бургомистра.

— Что ты смешного там нашла? — Хермансен бросил быстрый взгляд на жену, сидевшую на диване с газетой в руках. Он прекрасно знал, над чем та смеется: над фотографией открытия детской площадки — злобной и тенденциозной картинкой, изображавшей его самого рядом с улыбающимся бургомистром, на качелях.

— Фельетон забавный.

— Фельетон на шестой странице, а ты читаешь третью, — не глядя сказал Хермансен.

— Извини, — сказала она и отложила газету.

В этот субботний вечер Хермансен сидел за обеденным столом, складывая на счетной машинке бесконечные столбцы цифр, — проверял счета бакалейного магазина. То была одна из многих «левых» работ, за которые приходилось браться.

Фру Хермансен отошла к окну. Стояла прекрасная солнечная погода, но ей не хотелось выходить из дому. Почему-то вдруг подступила страшная усталость, хоть занималась она тем, чем обычно в субботу: магазин, уборка квартиры, обед, мытье посуды. Устать вроде бы не от чего. Хермансен продолжал щелкать на счетной машинке.

— Тебе пива принести? — спросила она, не оборачиваясь, и щелканье прекратилось.

— Пива?

— Я купила две бутылки.

— Спасибо, но в рабочее время я не пью.

— Какое ж тут рабочее время? Субботний вечер!

— Это ничего не значит. Я, как видишь, работаю!

— Я-то думала, мы пойдем в сад, хоть развлечемся чуть-чуть.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, позагораем. Отдохнем.

— Отдохнем? Ты серьезно считаешь, что я могу греть на солнце бока, когда не подстрижены газоны, кусты в живой изгороди торчат в разные стороны, когда машина... Эрик ее вымыл?

— Он вчера ее мыл.

— Вчера, вчера. Машину нужно мыть каждый день. Уж это-то он мог бы делать. А где он, кстати?

— Погулять пошел.

— Он наверняка у Андерсенов, — проговорил Хермансен и снова начал считать.

— Я сама ее вымою, — сказала она и пошла было к двери.

— Нет уж, спасибо, я не желаю, чтобы соседи говорили, что я заставляю свою жену... Подстриги лучше живую изгородь.

— Она мне надоела. Кусты все растут и растут.

— Растут! Тоже мне аргумент. Что же им, не расти?

— Ну и пусть бы росли на здоровье, — в сердцах сказала фру Хермансен.

— Вот уж верно. Пусть растут! Пусть все зарастает. Кусты, сад, чтобы все стало как у Андерсенов! — Он злился все больше и больше. Упоминание об Андерсенах словно пробудило дремлющий огонь в душе. — Что бы вышло, если б и я рассуждал таким же образом? Видишь эти приходо-расходные книги? Так мне бросить их и, потакая твоим прихотям, идти в сад пиво пить?

— А тебе вовсе не нужно так надрываться и брать дополнительную работу. Прекрасно проживем и на твою зарплату.

Он принялся расхаживать по комнате. Комната была большая — комбинированная гости-

ная и столовая с кожаными креслами и дорогой стильной мебелью. Каждая вещь, на которую падал взгляд, мгновенно вызывала в памяти бесконечные столбцы цифр.

— Может, ты забыла, что мы почти все взяли в рассрочку? Дом, мебель, машину...

— Мог бы ездить на автобусе.

Это ошеломило Хермансена.

— На автобусе? — с трудом выговорил он. — Ты полагаешь, что я должен ездить на автобусе?

— Или вместе с кем-нибудь на машине. Ведь все равно всем вам ехать в одно и то же место.

— Я должен ходить и упрашивать коллег и соседей, чтобы меня подвезли? Этого ты хочешь?

— Если продать автомобиль, долгов не будет. И тебе не придется так много работать.

— Я не жалуюсь, что много работаю.

— Да и машиной-то мы как следует не пользуемся. Даже на выходные никуда не ездим!

— А почему? Потому что я должен работать, чтобы свести концы с концами.

— Если бы у меня были права, то...

— То что?

— То я могла бы куда-нибудь выезжать.

— Ты знаешь мое отношение к этому, — холодно сказал он. — Знаешь, что исключительно из соображений твоей безопасности... — Тут раздался звонок, и Хермансен был рад, что разговор прервался. — Это фру Сальвесен. У нас заседание комиссии по антеннам.

— А я думала, по гаражам, — сказала фру Хермансен и пошла открыть дверь. Муж стоял, прислушиваясь к ее шагам; в последних словах он уловил оттенок сарказма, которого не хотел бы слышать...

Открыв дверь, фру Хермансен увидела фру Сальвесен, которая раздувала ноздри и, казалось, делала стойку, как пойнтер.

— Чувствуете запах?

Фру Хермансен с озадаченным видом обернулась к своей кухне.

— Смотрите! — фру Сальвесен показала на сад Андерсенов.

Над зеленой листвой вставало симпатичное облако дыма. Доносились песни и шум.

— М-м-м! Чудесно! — Фру Хермансен потянула воздух носом и, чтобы позлить фру Сальвесен, добавила невинным тоном: — Просто слюнки текут!

— Они теперь стали готовить в саду! Ток отключили!

Она была явно возбуждена. Это, кстати, ей очень шло. На щеках появился румянец, в глазах — нервный блеск. Кроме того, она надела

новое платье, хотя и собиралась вроде бы всего лишь на обычное заседание.

— Я должна поговорить об этом с вашим мужем! — она вошла в дом, а фру Хермансен осталась стоять на пороге.

Вблизи слышался лязг садовых ножниц. Это Сальвесен подстригал кусты. На щеках фру Хермансен тоже появился намек на румянец, когда она подошла к своему соседу, держа в руках ножницы.

— Добрый вечер! — увидев ее, Сальвесен просиял и заулыбался.

— Привет, Сальвесен! — весело сказала она. — Ну что, стрижем потихоньку?

Сальвесен вытер пот со лба.

— Да вот, все стригу и стригу. На работе чужие купоны стригу целый день. А здесь кусты.

Они продолжали стричь живую изгородь каждый со своей стороны. Сальвесен поднял отрезанную ветку и стал ее рассматривать.

— Жаль. Красивые ветки. И как они успевают за неделю настолько вырасти...

— Никогда не задумывалась над этим, — сказала фру Хермансен.

— Приятно смотреть, как все наливаются и растут. Я поэтому и радовался, когда мы получили этот клочок земли. Что ж, думал я, по крайней мере, ты хоть будешь видеть, как жизнь вокруг пробивается. Но здесь расти ничему не дают. Все обрезают.

Он был высок и худощав, с крупными, сильными кистями рук. Фру Хермансен украдкой бросила взгляд на его руки, бережно державшие зеленую ветку, но почему-то никак не могла посмотреть прямо в глаза, хотя и чувствовала, что он глядит на нее.

— Мне тоже кажется, пусть бы росли. Я как раз сказала мужу... — на секунду она остановилась, думая, не рассказать ли о сцене, которая только что была, но потом оставила эту затею.

— Моя жена сейчас у вас? — спросил Сальвесен.

— У них же заседание комиссии.

Сальвесен, облегченно вздохнув, посмотрел на окна своего дома. Потом отложил ножницы.

— Слишком уж много всяких комиссий. Всякий раз говорю жене — ты же устаешь от этих заседаний. Но похоже, что ей нравится.

— Наверно, дело нужное, — неуверенно сказала фру Хермансен, — а ваша жена ведь такая энергичная.

— Конечно, нужное, — он потихоньку вздохнул: — Моя жена ничего не нужного не делает. Но временами я думаю: как же, черт возьми, мы прежде обходились безо всяких комиссий? Помню, как дома...

— Вы ведь из Кристиансанда? — Фру Хермансен очень нравился его голос. И стоять возле изгороди, слушая Сальвесена, тоже нравилось — действовало как-то успокаивающе.

— Нет, из небольшого городка. Крохотный городок. Я посчитал. Там примерно столько же домов, сколько в этом поселке, — он раскурил трубку и выпустил дым себе в лицо, отгоняя комаров. — И все-таки мы обходились без комиссий, — сказал он задумчиво. — Были на редкость далеки от всяких общественных дел. Печально, конечно. По вечерам сидели на крыльце и курили или шли на берег. В хорошую погоду уходили на лодках в шхеры, брали с собой кофейник и аккордеон...

Они остановились, прислушиваясь к музыке, доносившейся с участка Андерсенов. Потом снова принялись стричь кусты, и их ножницы шелкали почти рядом и, невзначай задевая друг друга, издавали резкий металлический скрежет.

— Интересно, что они там теперь обсуждают, — сказал Сальвесен, кивнув на окна гостиной Хермансенов.

— Да, наверное, опять Андерсена, — сказала фру Хермансен. — Не понимаю, как им не надоест!

— Он им что «жало в плоть», как говорил апостол Павел.

— Кажется, я занозила палец, — сказала фру Хермансен и, отложив ножницы, протянула руку над кустами. — Вы не можете вытащить занозу, Сальвесен?

— У меня, похоже, иголки нет, — испуганно ответил он. — Может, позвать жену?

— Держите!

Фру Хермансен сняла с груди брошку и протянула ему. С открытым воротником она вдруг стала совсем иной. Сальвесен не решался взглянуть на ее шею, когда пришлось наклониться, чтобы вытащить занозу. К тому же он не мог найти никакой занозы, хотя фру Хермансен и уверяла, что заноза должна быть. Руки у него слегка дрожали, и он уколол ей палец. Выступила капелька крови.

— Прошу прощения.

— Ничего, ведь нам все равно надо ее вытащить.

Фру Хермансен раздумывала, слышит ли сосед, как громко бьется ее сердце.

— Будьте любезны, подпишите протокол! — он пододвинул фру Сальвесен пачку исписанных листов и протянул ручку. Они сидели друг против друга за большим обеденным столом. Фру Сальвесен надела очки и внима-

тельно прочла протокол, но прежде чем поставить свою подпись под четким росчерком Хермансена, нерешительно спросила:

— А разве остальные члены правления не будут подписывать?

— Это необязательно, — успокоил ее Хермансен. — Дело срочное, а по уставу председатель правления и секретарь имеют право...

— Да, да, я подпишу, конечно, но я сторонница более жесткой линии, — сказала она чуть раздраженно.

— Я совершенно с вами согласен, фру Сальвесен. Но как председатель я должен проводить более — как бы это сказать? — более ответственную линию.

Он говорил сдержанно и спокойно, и фру Сальвесен бросила на него быстрый взгляд. На ее лице по-прежнему был румянец.

— Так что же, если я протестую против аморального поведения, я веду безответственную линию?

— Нет-нет, никоим образом.

— У них четверо детей, и они неженаты! — Она смотрела ему в лицо, хотя тема была весьма деликатного свойства.

— Это возмутительно, — согласился Хермансен. — Но, как вы знаете, в законе о незарегистрированном сожительстве есть весьма расплывчатый параграф, и если мы что-то предпримем, то можем восстановить против себя общественное мнение.

— О чем вы говорите! В поселке все считают, что Андерсены ведут себя недостойно.

— Я говорю не только о тех, кто живет в нашем поселке, — он принялся расхаживать по комнате, как это делал всегда, когда его что-то волновало. Жена оставила на диване «Дагбладет», не сложив как следует, и он привел газету в порядок и отшвырнул в сторону. — Я говорю не только о поселке, — повторил он. — Мы — культурные люди, извините, что я употребил это слово. Но вы должны помнить; мы живем в малокультурное время, фру Сальвесен. Такие понятия, как порядок, приличия и мораль, теперь больше не в моде. И мы знаем, что средства массовой информации против нас, и пресса и радио поддерживают те силы. Достаточно вспомнить тенденциозную фотографию открытия детской площадки... Она свидетельствует о том, какое скверное влияние на детей оказывают эти люди. Мы строим площадку, достаем первоклассное оборудование, присутствует бургомистр. Мы вкладываем и труд, и деньги, и нервы, а потом приходит какой-то газетчик и сводит наши старания на нет. Дети, кажется, предпочитают Андерсена, — печально сказал он.

Окно было открыто. Мимо проскользнула ласточка, с непревзойденной легкостью танцует в воздухе. Они только что провели аврал по уничтожению ласточкиных гнезд. Неужели те опять успели понастроить?

— Мы могли бы отобрать участок и превратить его в общественный парк, — сказала фру Сальвесен, хотя знала, что это не получится.

— Нельзя. Я выяснял в отделе городского планирования. Насколько я понимаю, единственный закон, который мы можем применить... — он подошел к книжной полке и взял свод норвежских законов, — Инструкция по предотвращению пожаров в пригородах.

— Запрещено разводить костры?

— При известных обстоятельствах — да!

— Но почему мы не заявим на них в полицию? — рьяно наступала фру Сальвесен. — Жгут тут костры, как какие-то цыгане, а вы считаете правильным тратить добытые с превеликим трудом кооперативные деньги на то, чтобы покупать им примус!

— Я, если быть точным, голосовал за то, чтобы пойти еще дальше, — улыбаясь, сказал Хермансен. — Если они не оплатят счет за электричество в течение двух недель, то я предложу провести в поселке сбор пожертвований. А ведь даже у Андерсена есть своя гордость!

— Сбор пожертвований? Этак дело может кончиться тем, что мы их и кормить будем. У них же нет ни стыда, ни совести!

— Ну, это вы напрасно. В них есть — как бы это назвать — своего рода пролетарское высокомерие, что ли, и я думаю, сбор пожертвований может заставить их уразуметь: в другом окружении они чувствовали бы себя лучше. — Хермансен побарабанил пальцами по столу. — Сбор пожертвований! — повторил он почти угрожающе. Было видно, что этот план вынашивался очень долго. — Когда закон не на твоей стороне, приходится прибегать к психологии.

Фру Сальвесен смотрела на него обожающим взглядом.

— Я думаю, вы правы, — тихо сказала она, опустив глаза.

— Ладно! — Хермансен встал. — Итак, мы вручаем примус в среду, в пять часов. Может быть, вы возьмете на себя покупку примуса, а я напишу письмо и предупрежу о нашем приходе. Я полагаю, должно подействовать.

Фру Сальвесен кивнула, по-прежнему не поднимая взгляд.

— Мне хочется, чтобы вы знали только одно, — тихо сказала она. — Даже если я иногда бываю не согласна с вами, вы не должны

считать это... — она сделала паузу и посмотрела ему прямо в глаза, — ...недоверием!

— Напротив. Как я сказал, в принципе я с вами совершенно согласен, — он отвел глаза и уставился на цветную фотографию, висевшую над камином.

— Без вашей энергии и вашего мужества...

— Но, дорогая моя, — прервал ее Хермансен, — если уж мне и выпала доля внести свой скромный вклад в общее дело, то прежде всего вам я...

— Нет-нет, как единственная женщина в правлении, я не...

— Нам нужны женский пыл и воодушевление, — голос Хермансена слегка дрожал. — Если бы не было вас в качестве секретаря, то...

— Что? — фру Сальвесен смотрела в сторону.

— То я ушел бы со своего поста!

— Вы должны всегда оставаться на своем посту!

Хотелось положить ему руку на плечо, но стол был слишком широк, и она не дотянулась.

— Спасибо, — Хермансен был тронут.

— До свидания, Хермансен!

— До свидания.

Он стоял не двигаясь, пока не остался один. Пальцы легли на клавиши счетной машинки, и та пошла отбивать такт, выталкивая из себя бумажный свиток. Он отпустил клавиши и выпрямился. Сквозь открытую дверь в кухню был виден сияющий белым лаком холодильник, отражавшийся на свеженатертом полу. Хермансен пошел в кухню. Каблуки стучали по паркету, и звук, казалось, отдается в затылке. Достал из холодильника бутылку пива и открыл резким движением. А когда поднес горлышко к губам, по руке потекла пивная пена.

С бутылкой в руке он вышел в сад. Фру Хермансен по-прежнему стояла возле живой изгороди, но Сальвесен уже ушел; жена велела привести в порядок подвал, пока не начался сезон солений и варений.

Фру Хермансен украдкой разглядывала своего мужа, сгребая отрезанные ветки в кучу по свою сторону изгороди. В нем вдруг что-то переменялось: заседание комиссии его явно взбодрило. Он глотнул из бутылки и пошел вдоль изгороди, проверяя работу.

— Можно было обрезать и покороче, — одобритительно сказал он.

— Ты кончил вкалывать?

— Вкалывать?

— Ну, работать.

— Сегодня суббота. Я думаю, можно себе позволить немножко легкомыслия, — он криво улыбнулся.

— Э, а почему нет? — немного удивившись, она сделала вид, что хочет бросить грабли.

— Кроме того, я достал новое моющее средство, — продолжал он, засучив рукава. Потом спустился в подвал. Забурчал водопроводный кран, и немного погодя Хермансен вернулся уже в джинсах, с губкой и ведром в руках. Он подошел к машине, открыл дверцу, вытащил резиновые коврики и включил радио.

Был субботний вечер, около половины седьмого. Фыркала вода в трубах, все матери готовили ванны — мыть малышкой и укладывать спать, чтобы не мешали взрослым смотреть спортивную передачу по телевидению. Радио больше никто практически не слушал, разве только включали приемник в автомобиле: это очень удобно — слушать радио и мыть машину.

Мытье машин было в самом разгаре, все готовились к воскресному выезду. Широкие полосы воды и мыльной пены тянулись по асфальту и с хлюпающим звуком исчезали в канализационной решетке.

Хермансен рассеянно слушал радио.

В сводке погоды говорилось, что тепло удержится еще несколько суток. Потом диктор читал длинное сообщение из Вьетнама. Американские бомбардировщики произвели 98 успешных налетов на Северный Вьетнам, в дельте Меконга вертолетам удалось уничтожить две деревни и рисовые поля площадью несколько сот квадратных километров. Убито четыреста пятьдесят вьетнамских партизан и по ошибке шестнадцать женщин и детей... Хермансен убавил громкость, чтобы радио не мешало работать. Он заметил царапину на правом крыле и не мог понять, откуда она взялась. Сам он никого не задевал, если не считать курицы Андерсена, а от нее никакой царапины остаться не могло. Может быть, Эрик ухитрился взять машину без спроса?

Он открыл перчаточный ящик и вынул бутылку специального лака, но, услышав, что новости подходят к концу, поставил бутылку на пол и достал карточку спортивной лотереи, с нарастающим волнением ожидая конца новостей; наконец диктор произнес: «А теперь — результаты лотереи. Выиграли...»

У Хермансена не сошлись уже первые цифры. Он подождал, когда диктор прочтет до середины, потом скомкал карточку и выключил радио. От разочарования у него даже засосало под ложечкой и не было сил дослушать передачу до конца. Но когда Хермансен вылез из машины и принялся зачищать царапину наждаком, он по-прежнему слышал раздражающий

голос диктора, механически повторявшего результаты лотереи. Вдоль улицы стояли соседи и слушали. Потом началось обсуждение.

Хермансен до того расстроился, что не стал принимать участие в разговоре. Не обсуждались результаты спортлото и у Андерсена. Ток был отключен, и радиоприемник молчал. Это был старый ящик с выгоревшей тканью перед динамиком. Андерсен булавками приколот сюда карточку лотереи, чтобы не потерялась. И забыл о ней, потому что пришел гость — Сельмер.

— Я тут жратвы наварил, — сказал Сельмер, похлопывая по раздувшемуся портфелю. — У вас есть к ней что-нибудь?

— Кофе и сахар, — гостеприимно сказала фру Андерсен и поставила кофейник на костер.

Во вторник Андерсен пришел с работы на час раньше. Объяснялось это письмом, которое он накануне обнаружил в почтовом ящике; оно было подписано Хермансеном и коротко сообщало, что представители правления намерены посетить семью Андерсенов в пять часов пополудни следующего дня. «С уважением...» — и больше ничего.

Андерсен стоял у насоса и мыл молочные бутылки, а жена складывала их в детскую коляску, в которой обычно возили продукты. Рогер и Сильви принесли еще несколько бутылок.

— Это все?

— На окне еще одна стоит. С цветами.

— Тащи тоже сюда. Цветы можно переставить в литровую банку. Да захвати заодно карандаш и бумагу, я запишу, что нам нужно купить!

Он пересчитал бутылки. Коляска была полна доверху, и пришлось переложить часть бутылок в сложенный гармошкой откидной верх.

— Пока есть пустая посуда, жить можно!

— Бог мой, чем я их угощать буду? — огорченно вздохнула жена.

— Кофе, конечно. И сливками. Я притащу столько слоев, что из глотки торчат у них будут!

— Как ты думаешь, все правление придет? Тогда у меня чашек не хватит!

— Я куплю бумажные стаканчики.

— Не понимаю, чего им от нас нужно, письмо такое торжественное...

— Они людьми считают только тех, у кого есть деньги, понимаешь.

— Как бы они нас не выселили!

— Да с чего ты взяла, будто нас кто-то собирается выселять! Здесь ведь все наше: дом, сад, дети...

Он взял карандаш и бумагу, с которыми прибежала Сильви. То была почтовая квитанция.

— А это еще что? Заказное письмо?

— После обеда получили.

— Наверное, из налогового управления.

Андерсен подписал квитанцию и сунул в карман. Потом отодрал этикетку от пивной бутылки.

— Ну, так что мне брать? Кофе, сахар...

— Бери на все деньги, — сказала жена и стала накрывать на стол.

Кооперативный магазин стоял чуть на отшибе. За последние годы здесь построили так много новых домов, что район стал почти городским, со своим торговым центром и почтой. Кроме того, в бомбоубежище — то бишь в подвальном помещении магазина — проходили собрания и торжественные вечера. Сейчас здесь проводился сбор пожертвований на новую церковь. В витринах висели плакаты, призывавшие принять в нем участие. На площади шла блицлотерея, маленькие девочки ходили с копилками и собирали деньги.

Андерсен подошел к магазину перед самым закрытием, и народу было много. По дороге ему приходилось проделывать довольно сложные маневры своей коляской, которая угрожающе кренилась то в одну, то в другую сторону, и он посадил Рогера на бутылки, чтобы тот их придерживал.

— Почему это все на нас глазают? — спросил Рогер.

— А они думают про себя: вот какой молодец, отцу помогает!

Подбежали две девочки и загремели копилками:

— Здравствуйте, Андерсен, дайте денежку на церковь!

— У меня нет ни зре.

— Дай им по бутылке! — скомандовал Рогер, которому надоело сидеть и держать этот опасный груз.

— Они же в копилку не влезут.

— Бутылки можно сдать, — тоном знатока сказал Рогер.

Андерсен дал им по две пивные бутылки, и девочки убежали.

— А ты получи письмо. Иначе я не поспею.

Он отдал квитанцию Рогеру. Постучал в окошечко почты, чтобы было понятно, что Рогера он оставляет за себя.

Когда Андерсен добрался до магазина, его встретила фру Сэм, председатель церковной комиссии, сидевшая за столиком, где разыгрывается лотерея. Перед ней стояли пивные бутылки.

— Андерсен! — холодно сказала она, жестом останавливая его. — Это вы дали девочкам бутылки?!

— А что в этом плохого? Да, я.

— Неужели для вас нет ничего святого? — фру Сэм схватила две бутылки, и Андерсен решил, что сейчас она швырнет их ему в физиономию. Но оказалось, фру Сэм хотела просто вернуть бутылки.

— Постыдились бы, — сердито сказала она.

— Но ведь они стоят по тридцать эре. За четыре бутылки дадут крону двадцать. А большим я не располагаю. — Андерсен подошел к столу, чтобы забрать бутылки. Вокруг стал собираться народ. Но тут вмешался плотный низкорослый человек.

— Добрый день, фру Сэм, — сказал он. В произношении чувствовался северный говор.

Фру Сэм встала. Ее щеки были еще красны от гнева, но поздоровалась она вежливо и, бросив еще один испепеляющий взгляд в сторону Андерсена, сказала:

— Прискорбный случай!

— Ну почему же, фру Сэм. Должно принимать все дары с благодарностью. Именно так и строится церковь божия на земле!

— Да, но бутылки-то пивные. Если б хоть молочные!

— Бог не смотрит на этикетку, для него главное — душа.

Фру Сэм это не убедило. Она обернулась к испуганно глазевшим девочкам

— Дети, во всяком случае, эти бутылки сдавать не будут! — в голосе слышался отзвук протеста, пока что пребывавшего в зачаточном состоянии.

— Я их сам сдам. Всякое даинне — благо!

Он взял бутылки и исчез в магазине, как безгрешная душа, переступившая райские врата. Андерсен удивленно посмотрел вслед. Это была его первая встреча с Аяксом, новым пастором.

Рогер сидел на ступеньках почтовой конторы и рассматривал буквы, напечатанные на конверте. Рогеру было шесть с половиной, осенью ему уже идти в школу, и поэтому он знал почти весь алфавит.

— Нор-веж-ска-я... — он выговаривал каждую букву вслух. Дело шло хорошо, удалось сразу же понять это слово. Следующее слово было труднее, хотя все буквы были известны: — Ло-те-рея. А потом косая палочка и по букве с каждой стороны: А/О¹. Это немножко походило на слова в букваре, по которому его учили и который он давно уже перерос: «А-о,

а-у... мама, ау!» Но слово «ло-те-рея» так и не стало понятным.

Рогер положил конверт себе на голову и попытался, балансируя, идти по прямой, считая шаги. Рогер насчитал уже тридцать шесть шагов, но тут порыв ветра сдул конверт.

Ветер дул в сторону киоска. Дойдя до него, Рогер остановился, разглядывая выставленные газеты и журналы. Тут даже не нужно было уметь читать: обложки говорили сами за себя. Мрачные физиономии мужчин, зажавших в кулаке револьвер, и полуголые женщины, вопящие от ужаса, с вытаращенными глазами и кинжалом в груди. Некоторые были даже совсем голые, лежали или сидели в самых разных позах. Огромные груди напоминали воздушные шары. Он видел раздетыми и мать и Туне и всегда удивлялся, почему у обеих это не так. Рядом с журналами висела открытка, изображавшая Христа в терновом венце.

Донесся высокий звенящий звук. Высоко в небе плыл реактивный самолет, за ним тянулся след — как будто две белые шерстяные нитки делили небосвод надвое. Рогер подумал, что когда-нибудь полетит на самолете, а тысячи и миллионы людей будут смотреть снизу и завидовать. Он сделал из письма бумажного голубя и запустил его. Голубь полетел вдоль улицы. Рогер догнал его, поднял и снова запустил. На этот раз тот взмыл к балкону и опустился на траву возле дощечки: «По газонам не ходить». Рогер струхнул, потому что вдаль показались Хермансен и фру Сальвесен, и побежал, стараясь успеть к бумажному голубю, пока те не заметили.

— Вот опять один из этих, андерсеновских. Ты разве не видишь, что здесь написано? — крикнула фру Сальвесен Рогеру, который пытался спрятать голубя за спину.

— Я читать не умею.

— Брось туда! — строго сказала она, показывая на железную мусорницу, висевшую на фонарном столбе.

Рогер медленно пошел к мусорнице.

Хермансен между тем сделал еще одно открытие.

— Смотрите! — он не мог показать рукой, потому что нес большую картонную коробку. На аккуратно причесанном травяном ковре одиноким солнцем сиял одуванчик.

— Это первый одуванчик в истории поселка. До сих пор все старались держать свои газоны в порядке.

— Его надо вырвать, — сказала фру Сальвесен.

— С корнем! — Хермансен протянул ей картонку, чтобы тут же шагнуть на газон.

— Нет-нет, лучше я, я не так траву помну.

¹ Акционерное общество.

— Надо предупредить владельца этого газона. И проучить.

— Не будем несправедливы. Ведь не с неба упал этот одуванчик, он оттуда...

Она кивнула в сторону заросшего участка Андерсенов. Даже на большом расстоянии был виден золотой ковер одуванчиков.

— Я знаю.

О Рогере оба забыли.

— Не может быть, чтобы и здесь закон был бессилён, — сказала фру Сальвесен, когда они пошли дальше. — Ведь Андерсены заражают весь поселок!

— Я посмотрю в «законе о соседях». Кстати, вы знаете, сколько семян даёт один такой одуванчик? Около двухсот!

— Боже, какая плодovitость! — сказала фру Сальвесен, украдкой взглянув на своего спутника.

— И каждое из этих двухсот семян даёт ещё двести. За одно лето. Я ради интереса прикинул на счетной машине в банке, и оказалось...

— Но ведь не все же прорастут?

— Разумеется. Но попробуйте заглянуть на пять лет вперед. Из сада Андерсенов одуванчики перейдут на соседние газоны, оттуда все дальше и дальше...

— Какой ужас!

Хермансен всегда удивлялся ее интеллекту. То было редкое качество — уметь слушать, когда он говорит о серьезных вещах.

— Для меня этот одуванчик не просто одуванчик, — сказал он, переложив картонку в левую руку, — это символ. Символ упадка. Лениности. Психологии, основанной на принципе «а нам все равно». Символ всех тех тенденций, против которых мы боремся. И кроме того, это еще раз доказывает, что наша инициатива правильна, — он кивнул на картонку.

Пошли дальше. Все было так, как должно быть. Газоны ровно подстрижены, углы четкие, прямые. На цветочных клумбах нет и признака сорняков, кусты живой изгороди примерно одинаковой высоты. Правда, дома покрашены по-разному, зато маркизы только двух цветов. Было принято специальное постановление: все, кто хочет навесить маркизы, должны утвердить их форму и цвет в правлении, которое, в свою очередь, советовалось с архитектором и консультантом по цвету. Позднее правление решило, что маркизы должны быть на каждом доме.

Хермансен шел по поселку, раскланиваясь направо и налево, переполненный гордостью. Шестьдесят семь семей. Общий капитал — более восьми миллионов крон, текущий баланс — более четверти миллиона. Всего в поселке про-

живало двести семьдесят девять человек. Правда, это если считать всех — от мала до велика, но все равно около трехсот душ. Больше чем половина сотрудников Центрального банка, включая филиалы. И он, Хермансен, руководит всей многогранной деятельностью здешнего населения.

К сожалению, фру Андерсен не имела ни малейшего понятия об отвращении, с каким правление относилось к одуванчикам. Ей всегда становилось тепло на душе при виде того, как они распускаются на солнце. Желтый цвет прекрасно гармонировал с зеленым. В саду было много разных цветов — и полевых, и тех, которые она сама посадила. «Но одуванчики мне милее», — обычно говорила она. А к тому же делала вино из одуванчиков, и с этим вином у супругов были связаны воспоминания о многих чудесных часах.

Поэтому фру Андерсен с чистой совестью поставила большой букет одуванчиков на накрытый для кофе стол. Букет прекрасно подошел к белой скатерти с желтыми полосками и чашкам с желтым рисунком.

— Так хорошо? — спросила она, окинув оценивающим взглядом накрытый стол.

— Чудесно! — ответил Андерсен, сидевший на корточках у костра, держа кофейник на палке. — Приятно встречать гостей, — сказал он, чтобы подбодрить жену, видя, что она нервничает.

— Лишь бы все прошло хорошо!

— Конечно, все будет хорошо! Добро пожаловать! — крикнул он, увидев у калитки Хермансена и фру Сальвесен; побежал к калитке открыть. Хермансен прошествовал в сад со свертком в руках.

Войдя, поклонился Андерсену, а когда вышла фру Андерсен, поклонился и ей. Не говоря ни слова, подошел к кофейному столу. Неодобрительно взглянув на букет одуванчиков и на костер, сказал:

— Не будете ли вы добры, фру Андерсен, убрать со стола? — он поднял сверток, тем самым показывая, что хочет положить его на стол.

— Я накрыла, я подумала, что, может быть, вы выпьете чашечку кофе?

— Нет, спасибо, фрекен Эвенсен!

Хермансен бросил предупреждающий взгляд на свою секретаршу. Он не хотел пока обострять ситуацию и снова обратился к хозяйке, называя ее «фру»:

— Так, может быть, вы уберете немного со стола, фру?

Андерсен громко фыркнул, ушел в угол сада, где стояла пустая бочка, и перевернул ее дном вверх.

— Пожалуйста, Хермансен, можете положить сюда ваш сверток! Что у вас там — адская машина? — шутка повисла в воздухе и упала на землю мертвым воробьем.

Хермансен положил сверток на бочку. Потом вынул складной нож, потрогал лезвие пальцем, разрезал бечевку. Подошли дети и восхищенно уставились на сверток.

— Хо-о-чу, — сказала Малышка и протянула руку к бечевке.

— Надо сказать «спасибо!» — подсказал Андерсен, но она, не сказав больше ни слова, убежала. В торжественном молчании Хермансен развернул бумагу и вынул новенький блестящий примус.

— Примус! — Андерсен захлопал глазами. В эту минуту закипел кофейник, и пришлось снять его с огня. По дороге бежал Рогер: он бросил в сад бумажного голубя, но, увидев Хермансена и фру Сальвесен, пробрался через щель в заборе, чтобы не быть замеченным.

— От имени правления кооператива разрешите передать вам этот примус, — сказал Хермансен просто и с достоинством.

— Как это мило с вашей стороны, — Андерсен неуверенно взглянул на жену. — Очень мило. Но нам он, собственно, не нужен. Мы ведь почти никогда не ездим за город, правда, мать?

— Мы и здесь как за городом, — ответила она, указывая на костер.

— Вы можете теперь потушить костер, фру Андерсен, — он вел себя со сдержанным спокойствием и по-прежнему стоял, держа примус в руках.

— Потушить? А зачем?

Фру Сальвесен все время молчала. Теперь наступила ее очередь:

— По общему мнению членов кооператива, вы должны теперь готовить в доме, фрекен Эвенсен!

Слабая краска медленно разлилась по обветренному лицу Андерсена.

— Ну нет, послушайте! Костер никому же не мешает. Вы сами готовите на костре в вашем саду, фру Сальвесен!

— Я?

— Он подразумевает жаровню, — объяснил Хермансен.

— Варбесуе? ¹ Но это же совсем другое дело!

— Да, да. Но кофе, сваренный на простом костре, не хуже. — Андерсен жестом пригласил

к столу. — Пожалуйста! Моя жена все приготовила! — В голосе прозвучала мужская власть, что явно произвело впечатление на Хермансена. Он сразу же поставил примус на бочку. Но фру Сальвесен походила на неприступную крепость.

— Мне кажется, вы нас не понимаете. Мы пришли сюда не кофе пить. Мы пришли от имени кооператива, чтобы потребовать...

— Попросить, — поправил Хермансен.

Андерсен протянул кофейник жене:

— Наливай!

Пока она разливала кофе, сам он подошел к костру. У него вошло в привычку закуривать трубку, когда что-то смущало, это давало время собраться с мыслями. Сейчас он не совсем ясно представлял себе свои дальнейшие действия. Из-за Эрика не хотелось гнать гостей из сада. Покамест в этом не было нужды, но чувствовалось, что срок приближается.

Внешне спокойно он наклонился над костром, чтобы прикурить. Там валялся бумажный голубь. Андерсен поджег его краешек, но вдруг начал спешно тушить. Расправив голубя, с изумлением воззрился на конверт, края которого немного обгорели, а вскрыв его, обнаружил там чек.

Фру Андерсен испугалась, увидев, как муж уставился на нее с таким глупым и отсутствующим видом, словно его хватил удар.

— Что такое, отец?

— Мы разбогатели!

— Ты заболел?

— Мы разбогатели! — повторил он, протягивая чек.

Ни Хермансен, ни фру Сальвесен не заметили, что произошло, но поняли: что-то случилось. Очень уж странно фру Андерсен моргала глазами.

— Теперь мы сможем уплатить по счету за свет, — только и смогла выговорить она.

— По счету? — Хермансен сразу же вспомнил, зачем пришел.

О, он продумал эту акцию очень тщательно. Сначала вручение примуса, а затем сбор денег с общественности на оплату счета за свет. Получалось двух-трехступенчатая ракета громадной силы. Но теперь он понял, что план сорвался...

— За электричество, — сказала фру Андерсен и показала чек.

Из-за небольшой дальновзоркости пришлось чек держать в вытянутой руке, но опытным взором банковского чиновника он сразу же увидел, что это именно чек, и возмутился, что тот смят и обожжен по краям.

— Так нельзя обращаться с чеком, — недовольно пробормотал он, но забыл о своем

¹ Решетка, на которой жарится мясо (англ.).

возмущении, как только надел очки и рассмотрел сумму. — Семьдесят тысяч девятьсот девяносто пять... — Он привык к чекам на более значительные суммы, но, когда прочитал имя Карла Альфреда Андерсена, до него дошло, что это означает.

— Вот уж действительно! — он протянул чек фру Сальвесен.

— Чек очень смят, по-моему, и немного обожжен...

Фру Сальвесен сама работала в банке и была специалистом, но Хермансен лишил ее всякой надежды, коротко сказав:

— Чек в порядке.

— Поздравляю, Андерсен. И вас тоже, фре... фру Андерсен, — фру Сальвесен быстро вернула чек.

— Слышите, ребята, мы выиграли! Мы богачи!

Фру Андерсен взяла Малышку на руки и закружила ее. Ребята столпились вокруг, даже Туне и Эрик, сидевшие на дереве, осмелились спуститься.

— Мы разбогатели! — кричал Андерсен. — Слышите, что мать говорит? Теперь у вас будет все, что душе угодно!

Хермансен попытался вставить слово:

— Ну, ну, семьдесят тысяч — большая сумма, и если вы вложите ее во что-либо разумное... — он сделал жест в направлении дома и сада. Никто, однако, не слушал.

— У вас будут новые платья! — кричал Андерсен.

— Мы можем купить телевизор! — кричала Сильви.

— И проигрыватель!

— И машину!

— И жаровню! — не без злорадства крикнула Туне.

Но, как всегда, последнее слово осталось за фру Андерсен.

— Ты можешь бросить работу! — сказала она мужу.

— Нет, послушайте, фру Андерсен. Неужели вы это серьезно? — в голосе уже был намек на уважение, чуть ли не почтение. — Не хотите же вы сказать, что ваш муж перестанет работать? — Хермансен несколько натянуто засмеялся.

— А почему бы и нет? Он изматывается вот уже скоро тридцать лет.

— Но если вы будете экономны и бережливы...

— Экономны? — Андерсен повернулся к нему. — Зачем экономить, когда у тебя ничего нет или когда что-то есть? А у нас есть, мать! К чертям экономию, пошли в магазин!

Хермансену так и не дали высказаться. Ребята плясали вокруг родителей, прибежали дети с детской площадки. Андерсен протянул руку, но Хермансену не хотелось отдавать чек.

— Может, лучше мне взять его в банк? Я бы открыл счет...

Его слова потонули в общем гаме. Фру Сальвесен подошла к бочке и снова положила примус в коробку.

— Какая вульгарность! Можно подумать, что они коммунисты!

— Мы должны немедленно собрать правление, — веско сказал Хермансен.

Золоченые каминные часы жиденько пробили семь. Хермансен подождал, пока замер последний удар, и осторожно постучал председателем молоточком, давая понять, что собрание открыто. Обвел взглядом стол, чтобы проверить, все ли члены правления в сборе. Фру Сальвесен сумела созвать их в рекордно короткий срок. А теперь сидела справа от Хермансена и перебирала бумаги, пока он не начал говорить.

— Создалась совершенно новая ситуация! — начал Хермансен, но его сразу же прервал Лейвстад, всего-навсего заместитель председателя.

— Замечание к повестке дня!

— Слово имеет Лейвстад, — Хермансен бросил неодобрительный взгляд на Лейвстада, заместителя.

— Я хочу обратить внимание на то, что согласно параграфу третьему постановления проект повестки дня должен рассылаться минимум за двое суток до собрания правления за исключением совершенно экстраординарных случаев.

— Ситуация как раз экстраординарная. Позже у нас будет возможность обменяться мнениями, — Хермансен для верности снова постучал молоточком. — Правление уже знакомо с тем, что произошло. Не впервые мы ставим на повестку дня вопрос о семье Андерсена...

— Слишком часто, — фру Сальвесен сказала это шепотом, чтобы не прервать оратора.

— По-моему, следует сказать, что ни их образ жизни, ни порядок на их участке никоим образом не удовлетворяют этическим и эстетическим требованиям современного общества, — Хермансен сделал заметку в блокноте, поскольку Лейвстад снова поднял руку. Некоторые из членов правления воспользовались паузой, чтобы высказаться.

— Он позорит кооператив!

— Теперь у них есть средства, чтобы купить себе квартиру!

— В другом конце города! — это сказала фру Сальвесен, и Хермансен предостерегающе поднял палец.

— Слово имеет херр Сэм! — воцарилась тишина.

Сэм был теолог и работал в университете. Домом в кооперативе поменялся с одним руководителем филиала, совершившим растрату. Обмен великолепный. Через месяц после въезда Сэма уже выбрали в правление, одновременно сделали руководителем молодежного клуба кооператива. Его речи всегда отличались деловой весомостью и производили впечатление.

— Я не придаю большого значения таким вещам, — сказал он серьезно. — Пусть семья живет даже в палатке — мне безразлично. И если я реагирую, то в первую очередь из-за молодежи. Влияние... Хорошо, на этом я могу закончить, но мой опыт преподавательской работы в высшей школе научил меня, что значит влияние среды.

— Отказываюсь от слова, — сказал Лейвстад, сидевший все время с поднятой рукой.

— Я тоже, — сказал Рошер-Теодорсен. — Я полностью согласен с Сэмом. Дети!

— Да, но у вас-то детей нет, — несколько насмешливо сказала фру Сальвесен.

Жена Рошер-Теодорсена была на пятнадцать лет моложе супруга и не упускала случая критически высказаться о его мужских достоинствах. Рошер-Теодорсен заметно покраснел, и Хермансен поспешил перевести беседу в нужное русло.

— У Андерсена появилась возможность создать нормальные условия жизни для себя и своей семьи. Правление, конечно, поможет ему всем необходимым.

Фру Сальвесен снова взяла слово.

— Когда у таких людей заводятся деньги, это ни к чему хорошему не приводит. Он как был так и остался неотесанным шофером грузовика.

— Профессия тут совершенно ни при чем! — Хермансену снова пришлось прибегнуть к молотку. — Снобизм — неизвестное у нас понятие. Выполняем ли мы умственную или физическую работу, мы все... — он сделал красноречивый жест. Все кивнули. — Второй непсанный закон — невмешательство в личную жизнь, — продолжал Хермансен. — В жилищном кооперативе все имеют право жить своей жизнью. В определенных рамках. Андерсен преступил эти рамки — запустил свой участок, оскорбляет чувства других, проявляя презрение к тем правилам, на которых зиждется общество, — он говорил тихо и серьезно, слова звучали весомо, как слова судьи, читающего

пункты обвинения перед вынесением приговора. — Кооператива как такового не касается, что делает семья в своих четырех стенах. Но раз семья стала обладателем крупной суммы, мы можем потребовать, чтобы Андерсен немедленно привел в надлежащий порядок дом и сад. Мы, — он кивнул в сторону фру Сальвесен, — позволили себе составить предложение в четырех пунктах: Я как председатель считаю, что правление должно действовать безотлагательно!

Опытный председатель Хермансен всегда обосновывал свои предложения с деловым красноречием, сегодня находился в прекрасной форме, а вносимые предложения были жемчужинами искусства формулировок, хоть все время и мешали крики, доносившиеся в открытое окно.

Шум то нарастал, то затихал, точь-в-точь как на стадионе, когда назревает гол. Сделав паузу, Хермансен заметил: собравшиеся не следят за его речью, а уставились в окно, проявляя все признаки смятения.

— Может быть, закрыть окно? — произнес он, но в тот же миг тоже вытаращил глаза.

Андерсен с семьей возвращались из магазина. Андерсен катил детскую коляску, полную товаров. Рядом шла фру Андерсен с тележкой самообслуживания, позаимствованной в магазине. Тележка тоже была полна доверху. На ней восседала Малышка, держа в руках огромную коробку конфет и болтая ногами. Следом шагала группа малышей и подростков. К своему огорчению, Хермансен увидел среди них Эрика. Все что-то несли: пакеты, картонки, ящики с пивом и сельтерской, хохотали и громко кричали. Конфеты и апельсины вываливались из свертков на дорогу, дети устраивали кучу малу, затевали драку или даже футбол апельсинами, и те, как крохотные светящиеся планеты, катились по зеленому газону.

Андерсен возвышался среди толпы, словно маяк. Изо всех домов на дорогу высыпали жители. Слух о большом выигрыше стал известен всем. Казалось, все только этого и ждали, махали руками, смеялись, кое-кто кричал «ура». В суматохе люди забыли, что нужно проявлять отвращение к этому смехотворному шествию, сдались. Фру Хермансен, вынужденная сидеть в саду, поскольку гостиная была занята под совещание, вышла на дорогу, поздравила Андерсенов и пожала им руки.

Хермансен стоял у окна, как разбитый параличом, глядя на проходящее шествие. Он устало потер лоб, чтобы взять себя в руки.

— Я излагаю предложение и прошу голосовать по пунктам. Правление ссылается на свое прежнее решение и требует немедленного осуществления следующих мероприятий. Пункт

первый: изъятие бензинового насоса, вывесок и мусора.

Все кивнули, и он ударил молотком.

— Принято. Пункт второй: уничтожение сараев для игр. Если семья хочет иметь сарайчик для игр своих детей, то таковой должен быть построен дипломированным архитектором!

Снова раздался тяжелый, роковой удар молотка по столу.

— Пункт третий: покраска дома, вставка новых стекол. Удаление всех животных...

В эту минуту вбежала в комнату фру Хермансен с апельсином в руках.

— Слышали? — и запнулась от направленных на нее взглядов. Впервые она прервала заседание правления.

— Элисе! Разве ты не видишь... — Хермансен привстал.

— Да, да, но Андерсен пригласил всех членов кооператива на праздник. Сегодня вечером! Сейчас же! Взрослых и молодежь, и... — Все смотрели так, что пришлось отступить к двери. — Но это же очень хорошо, правда? Семьдесят тысяч! Ведь не каждый день... Извините! — она попятилась и вышла из комнаты.

— Я сожалею о том, что нам помешали, — серьезно сказал Хермансен. — Прежде чем продолжать голосование, я хочу подчеркнуть, что ситуация сложилась гораздо более острая, чем мы предполагали вначале. Я считаю само собой разумеющимся, что никто из членов правления не примет участия в этом... так называемом празднике! Принять приглашение — значит одобрить моральную и экономическую безответственность семьи.

Лейвстад просил слова.

— Прежде всего мы должны позаботиться, чтобы в это не были вовлечены дети. Я исхожу из того, что правление использует все свое влияние...

Хотя он был только заместителем, все кивнули, подтверждая, что произнесенные слова справедливы и сказаны вовремя.

Фру Сальвесен чуть удар не хватил, когда, вернувшись домой, она в спальне увидела своего мужа. Только что из ванны, тот сиял чистой и надевал белую рубашку.

— Хорошо, что ты пришла. Мы опаздываем!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Разве не знаешь? Мы приглашены на праздник к Андерсену.

Муж смотрел так упрямо, что стало ясно — предстоит борьба.

— Мы не пойдем! Иди один.

— Вот это-то как раз я и собирался сделать!

— Так иди!

Фру Сальвесен удалилась из спальни и села на диван. Она не боялась за исход дела, но нервничала — борьба явно затянется дольше обычного. А сегодня вечером время дорого. Слышно было, как муж грохотал наверху, закрывая ящики. Хороший признак. Стало тихо. Немного погодя он спустился в гостиную, чего фру Сальвесен не видела, поскольку лежала, распластавшись на диване и уткнувшись головой в подушку.

— Повторяю: я пойду один!

— Иди! — всхлинула она.

— И пойду, — голос звучал уже несколько неуверенно.

Дрожь пробежала по ее худому телу.

— Иди один! Ты же этого хочешь!

— Да ничего подобного! Я сказал, что пойду один, если ты не хочешь идти. И стою на том.

— Ты же сказал, что хочешь оставить меня одну! Оставь меня одну.

— Я... — Сальвесен запнулся и ослабил узел галстука.

Он знал, что, стоит ей заупрямиться, ледяная холодность воцарится на целый день, на два дня, на неделю... Однажды она выдержала целых полмесяца, и ему пришлось сдаться и просить прощения.

— Почему ты не хочешь пойти? Черт побери, нас же пригласили на праздник, и... это первый праздник после нашего приезда сюда.

Фру Сальвесен поднялась с дивана и вытерла глаза, полные слез, настоящих слез, плакать она умела с истинным талантом.

— А я-то собиралась попросить тебя приготовить на ужин что-нибудь вкусненькое. Я разносила циркуляр.

— Циркуляр?

— О поливке садов. Раздать нужно было сегодня вечером. Я думала, мы выпьем бутылочку красного вина.

Муж снова исчез в спальне. Победа настолько не вызывала сомнений, что не стоило дожидаться его возвращения. Через пять минут он вернется в фартуке. Фру Сальвесен прибежала к красному вину в самых исключительных случаях, как правило, удавалось обойтись стаканом сока и пивом.

Пока она приводила себя в порядок, мозг лихорадочно работал. Положение поистине угрожающее. Общая реакция на шествие Андерсенов ужасна: эта распушенность не предвещает ничего хорошего. Но ничего, справимся и с этим. Ты секретарь жилищного кооператива, все жильцы занесены в твою картотеку, все у

тебя в руках. Ты знаешь, как обращаться с каждым в отдельности, а циркуляр поможет встретиться со всеми.

И в конце концов положение, может, не столь и опасное. Правда, люди ошеломлены происшедшим, выигрышем, странной процессией, приглашением на праздник в самую обычную среду. Это психологическая атака с тыла. Но люди скоро образумятся.

— Вы идете?

— Я не знаю... Посмотрим. Приятно пойти на праздник, но...

Все чувствовали себя как-то неуверенно. Все ждали. Никто не хотел идти первым. Люди стояли у окон или заходили к соседу. Отдельные бунтарские элементы продолжали готовиться к празднику.

Фру Сальвесен шла со своими циркулярами и к ним.

— Конечно, вам следует пойти. Если никто не придет, это будет похоже на демонстрацию. И насколько я знаю, вы единственный. Больше никто не идет.

Вернувшись домой через час, фру Сальвесен знала, что курс правления победил. Это стоило уговоров, мелких скрытых угроз, ловких ухищрений. Были и протесты, и ядовитые замечания, и даже явно выраженное раздражение. Но это ее не беспокоило. Пусть существует какая-то форма контролируемой оппозиции — это только хорошо, самое важное, что фронт устоял и линия солидарности победила.

Подойдя к калитке своего сада, секретарь правления собралась было зайти к Хермансену, чтобы доложить о результатах. Но в саду оказалась фру Хермансен, и пришлось отказаться от этой мысли.

К тому же фру Сальвесен вспомнила об ужине, который должен приготовить муж. Всякий раз она еле выносила всю эту процедуру. Вот он ходит по кухне, делает салат из крабов и пробует, достаточно ли согрелось красное вино. И надо всплеснуть руками и сказать: «Ах как это мило, не зажечь ли нам еще и свечи!» А после ужина он поднимет бокал с красным вином, посмотрит на нее и скажет свое обычное: «Сегодня мы ляжем пораньше, Юрдис, да?»

Придется выдержать новую атаку, и тут никому не пожалуешься. Но хватит, завтра же она приведет в порядок гостиную в подвальном этаже. Риска никакого. Пока муж по-прежнему получает зарплату по третьему разряду, о разводе речи быть не может.

Над поселком спустились сумерки. Настал тихий, спокойный вечер, с щебетанием птиц и с дымком от костра в саду Андерсена.

Прошла женщина с плачущим ребенком — вела его от Андерсенов, а в воротах столкнулась с другой матерью, которая шла туда за своим ребенком. В разных местах слышались громкие свистки и крики. Это родители созывали своих детей. Обход фру Сальвесен действовал. Хермансен стоял на балконе. Собственно, следовало бы быть довольным, но он все же волновался. Жена только что устроила ему сцену. После заседания правления он позвал ее и упрекнул за вторжение, но, вместо того чтобы согласиться с этим в высшей степени справедливой замечанием, она стала возражать, да еще в таких выражениях, вспоминать которые не хотелось. Теперь она на лужайке под балконом катала взад и вперед газонокосилку и, почувствовав на себе взгляд мужа, решительно откатила косилку за дом.

На улице показался человек, пошел по направлению к Андерсенам. Директор магазина. У него квартира в новом блоке, и он, по-видимому, не получил циркуляра от фру Сальвесен.

— А вы не идете на праздник, Хермансен? — весело крикнул он.

Хермансен медленно спустился с балкона и подошел к забору.

— Я слышал, будто вы пускаете в магазин покупателей и после закрытия. Надеюсь, это неправда.

— Нет, нет, — заверил директор. — Кто вам сказал?

— Я рад, что ошибся. Кто-то видел этого Андерсена...

Директор вдруг начал что-то искать в карманах. По-видимому, связку ключей.

— Да, но это совершенно особый случай. Они прибежали целой толпой, через дверь показали мне чек.

— Ну и?..

— И я подумал — нужно впустить их. Они же пригласили всех жильцов на праздник и...

— Значит, вы ихпустили?

— Да, впустил. Я был на месте, считал кассу.

— Хорошо, что у вас было достаточно денег, чтобы разменять такой большой чек. В банке мы обычно проверяем...

— Да я его и не менял! — быстро возразил директор, но тут же понял, что совершил тактическую ошибку. Хермансен уставился на него долгим взглядом.

— Вы открыли им кредит?

— Не то чтобы кредит, но...

— И, наверное, на значительную сумму?

— Да, — ответил директор, чтобы не сказать большего.

— Хотя вы же за это сами отвечаете, — спокойно сказал Хермансен. — Я больше вас не

задерживаю. Вы ведь идете на праздник. К Андерсенам!

— Я собирался только зайти к ним с кассовым чеком, но уже поздно, я подожду до завтра.

Он попрощался и пошел обратно. Хермансен состоял и в правлении кооперативного магазина.

...

Настроение в доме Андерсенов было подавленное. Малышка уснула на заднем сиденье старой машины, посасывая огромный тюбик с икрой, вокруг были разбросаны всевозможные сладости. У закута стоял Рогер и кормил свинью венскими булочками. Повсюду возвышались груды лакомств, фруктов, бутылки лимонада и пива, окорока, закуски. Андерсен взял ящик с пивом и понес было в кухню, но, увидев жену, поставил пиво у люка в погреб.

— Ну, ну, — утешал он жену, беспомощно глядевшую на множество открытых банок с консервированными ананасами, а стоило пошептать ее по волосам, она упала на прилавок и зарыдала.

— Почему они такие противные?

— Не знаю. Да они и сами не знают.

— Хоть бы разрешили детям прийти!

— И сами они придут. Подожди до завтра!

Туне и Эрик притащили каждый по большой картонке и исчезли в погребе. Позвенели там бутылками, пошептались, потом воцарилась тишина.

— Забудем. Если пирожные зачерствеют, купим свежие.

Бросив взгляд на пирожные, фру Андерсен снова начала плакать.

— У тебя будет все, чего захочешь. Скажи только...

— Я ничего не хочу, а того, чего хочу, не достать.

— Чепуха, все можно достать, если есть деньги, — убежденно сказал Андерсен.

— Кто тебе сказал?

— Что тут неясного? Во всяком случае, можно достать все, что есть у других.

— А ты хочешь, чтобы у тебя было, как у них?

— Нет. Это я виноват! Не нужно было играть в спортлото.

— Нет, ты не виноват.

— Чего тебе хочется?

— Чтобы они были немножко добрее.

Что на это ответишь? Единственное, что можно сделать, — снова сесть рядом. Он был слишком неуклюж, чтобы уметь утешать. Просто сидел рядом, гладил ее по спине, а иног-

да — по неосторожности — и по бедрам. Как ни странно, но это вроде бы помогало.

Фру Андерсен явно оживилась. Заглянула через люк в погреб. Там во мраке можно было различить, как Туне и Эрик стояли на коленях между ящиками пива и целовались.

— Нехорошо, если Туне с Эриком заметят, что мы расстроились, — прошептала она и вытерла глаза. — Понимаешь... — тут она вдруг застеснялась своего мужа, наклонилась к его уху и прошептала что-то.

— На дереве? Тоже нашли место!

Туне с паутиной в волосах и Эрик вылезли из погреба и убежали, держась за руки.

— Видишь, у нас не только неприятности, — сказал приободрившийся Андерсен. Но тут же задумался: — Не слишком ли она молода?

— Молода? Я была как раз в ее возрасте, но ты, наверное, забыл, как я тогда выглядела?

— Точь-в-точь как сегодня. Ты ни чуточки не изменилась!

— Болтай! — она фыркнула, но было ясно, что его слова произвели нужное впечатление.

— Ты никогда не была такой красивой, как теперь. Поэтому в поселке меня терпеть не могут, просто завидуют тому, что у меня такая красивая жена.

— Это меня они терпеть не могут. Потому что мы не женаты.

— Они не смеют упрекать тебя.

— Но... — она посмотрела ему в глаза, и Андерсен чуть вздрогнул.

— Что ты хочешь сказать этим «но»?

— Ты меня не спрашивал.

— Я не спрашивал?

— Нет!

— Черт возьми! Когда мы обсудим это по-деловому?

— По-деловому! — она презрительно фыркнула.

— Да как же, дьявол побери, мне еще выразиться? — Он все ходил взад и вперед, пришедшая мысль завладела им полностью. — У нас есть деньги, масса денег. Мы можем пожениться. Чтоб им сдохнуть! — он грохнул кулаком по прилавку. — Хочешь выйти за меня замуж?

— Я должна подумать. Это так неожиданно.

Пошла Малышка, такая сонная, что ее шатало, и, всхлипывая, сообщила, что хочет на горшок. Фру Андерсен поднялась ее проводить и вернулась одна.

— Ты подумала? — нервно спросил Андерсен, но, прежде чем она успела ответить, вошел Рогер, гремя ящиком из-под лимонада.

— Это черт знает что, покоя не дают человеку! — вспыхнул Андерсен. — Поставь сюда! — Он показал на кухонный стол, но мальчик стоял и изумленно смотрел на отца.

— Не пугай мальчишку, — и фру Андерсен дружески объяснила Рогеру: — Отец посватался, понимаешь?

Рогер воззрился на родителей. Потом выпустил ящик из рук и убежал. Андерсен смотрел вслед, чувствуя себя несчастным.

— Не надо было этого говорить, он проболтается. Клянусь, проболтается!

Оба прислушались. Ребята кричали наперебой.

— Ну, разбушевались. Сейчас вся ватага будет здесь. Решай же.

— К чему ты это выдумал? — она тоже разволновалась. — Как по-твоему, что они скажут?

— Соседи?

— Ребята, конечно.

— Они не имеют права вставлять нам палки в колеса, — уверенно сказал Андерсен.

— Нам было так хорошо, — она прислушалась к приближающимся шагам детей. — Не раскаемся ли мы?

— Ну до этого, может, не дойдет, — тихо сказал он. Его тоже начали одолевать сомнения.

Прибежали дети. Сначала Сильви и Рогер. За ними Туне и Эрик.

— Мама, скажи «да»! — визжали младшие. — Скажи «да»!

Андерсен хотел было выпроводить их, но передумал и обратился к жене.

— Скажи «да», мать, — голос дрожал.

Она взглянула на Андерсена, потом на детей.

— Да, да, попробуем. Но пусть это будет настоящая свадьба. С хорошим пастором. Не желаю сидеть в очереди в ратуше под этой ужасной картиной Мунка.

Андерсен даже начал проявлять стремление к сотрудничеству: обещал выполнить требования правления и привести в порядок участок и дом и уже нанял рабочих. И ведь Андерсены решили пожениться. Семья хочет жить как подобает.

Но в поселке возникла новая атмосфера, тревожившая Хермансена. Он почувствовал перемену сначала в собственной семье. Эрик проводил у Андерсенов больше времени, чем дома. Так, собственно, было и раньше, хотя не так открыто. Если отец спрашивал, куда это он собирается, обычно придумывался какой-то пред-

лог. Теперь же все делалось совершенно открыто. «Я забегу к Туне», — мог сказать Эрик под конец обеда или прямо говорил, что идет помочь Карлу Альфреду. Такая наглость лишила Хермансена дара речи, и в первое время приходилось делать вид, будто не расслышал. Но долго так тянуться не могло, и Хермансен вынужден был серьезно побеседовать с Эриком. Почему-то он всегда чувствовал себя неуверенно, когда нужно было говорить с сыном. Беседа или заходила в тупик, или кончалась скандалом — отец стучал кулаком по столу, а сын убежал.

Даже жена не проявляла необходимого уважения. Дела пошли еще хуже после рокового выигрыша Андерсена, после того вечера, когда правлению удалось помешать членам кооператива принять участие в этом смехотворном празднике в саду Андерсенов.

Конечно, то была победа правления, но радость Хермансена серьезно омрачало поведение жены, которая, потеряв всякий стыд, назвала его мелочным и позволила себе еще ряд высказываний, о которых отнюдь не хотелось и вспоминать. Пожалуй, это просто неумение сдерживать свои чувства: такое он часто замечал в первое время после свадьбы и очень раздражался, но тогда мог, во всяком случае, спокойно и по-деловому переговорить с ней, и с годами стали заметны улучшения. Но сейчас разговоры не помогали. Положение ухудшалось с каждым днем, дома иногда становилось почти невыносимо.

Вообще-то он начал по утрам уезжать из дому раньше. И дело было не в отношениях с женой, просто заставила необходимость. В городе стало все труднее с местом для стоянки машины. В особенности теперь, летом, когда начался туристский сезон. Поэтому приходилось выезжать до восьми, чтобы найти место где-нибудь на тихой улочке. Это вошло в привычку, а хорошая привычка всегда актив. Он даже начал ценить эти ранние утренние поездки после первых часов «пик», когда начинают работать заводы, а до того, как хлынет поток служащих, остается еще два часа.

Во всяком случае, теперь можно было чинно и мирно сидеть в машине и завтракать. Он обычно запасался термосом и лишней порцией бутербродов. Часто брал с собой и сверхурочную работу, работу по жилищному кооперативу, которую не успел закончить вечером. Когда время приближалось к девяти, запирали машину и шел в банк. Таким образом он ежедневно прогуливался и избегал саркастических советов жены поехать автобусом.

Вообще положение изменилось к худшему — и в семье и в поселке. Единственный

человек, с которым Хермансен мог побеседовать с истинной пользой для себя, была фру Сальвесен. Ее помощь становилась все более необходимой, поскольку работы в правлении и комиссиях становилось все больше.

Выигрыш Андерсена, оказалось, привел к гораздо более серьезным последствиям, чем можно было предположить вначале. Хермансену было ясно, что Андерсен не в своем уме и следует объявить его невменяемым. Председатель предложил правлению добиться постановления суда о переводе выигранных денег на закрытый счет, чтобы они не были растрочены впустую до осуществления ясного и недвусмысленного решения правления. Некоторые члены правления восприняли это предложение как шутку, как анекдот: прежде такое просто не могло случиться.

И в правлении и в столовой банка, где собирались служащие, раздавались голоса в защиту Андерсена. «Может быть, так и следует жить, может, поведение Андерсенов не так уж неправильно?» В их беседах появилось выражение, которое стало почти лозунгом: «Делай как Андерсен!» Конечно, это была шутка, но шутка дурная, сеявшая неуверенность в том, что живешь как положено, вызывавшая нездоровое любопытство. Андерсен попал в центр внимания, что было противно здравому смыслу. Хермансен с тревогой замечал своего рода веселую доброжелательность, когда речь заходила о семье Андерсенов, хотя Андерсен и вел себя более скандально и безответственно, чем когда бы то ни было.

Он привел в исполнение свою угрозу, что бросит работу. Теперь он целыми днями сидел дома, если только не отправлялся вместе со своей семьей в город за покупками. Вместо того чтобы купить себе добротную подержанную машину или новую на подходящих условиях в рассрочку, договорился с мастерской, чтобы на его старую развалину поставили новый мотор. К дому беспрерывно подъезжали машины с вновь купленными товарами — мебелью, посудой, телевизором, пнанино. Хермансен получал отчеты от фру Сальвесен и вначале пытался составить хоть приблизительное представление о затратах, но вскоре вынужден был отказаться и от этой затеи.

Торжественное обещание Андерсена привести в порядок участок кончилось ничем, вылилось просто в пародию. Вообще-то, рабочих он нанял, но те работали в доме, готовя все к этой безумной свадьбе. Дом, правда, покрасили, но вывески не сняли, и сарайчики для игр не убрали, а покрасили. Это было хуже всего. Легализация безвкусицы, сияющей теперь в кустах

всеми цветами радуги. Покрасили даже курятник и закут.

Хермансен накрыл чехлом «рамблер» и уныло побрел через Дворцовый парк к банку. Хорошо еще, что за машину беспокоиться не надо. Удачное это место для стоянки — на улице Ураненборг, около дома, где он жил до переезда в кооперативную квартиру. Сторож обещал приглядеть...

Но волновался не только Хермансен, были озабочены все жители поселка. В особенности всех занимала предстоящая свадьба. Конечно, приятно, что Андерсены наконец поженятся и их неестественным отношениям будет положен конец. Раздражало то, каким образом это делается. Фру Сэм особенно возмутило, что брак будет церковный, и она, пользуясь в качестве председателя церковной комиссии известным правом высказываться о такого рода делах, сразу же отправилась к пастору Аяксену. Ее доверие к пастору несколько поколебалось после эпизода у кооперативного магазина, когда тот вмешался совершенно неподобающим образом. Тем не менее это был пастор их прихода, назначенный правительством, и только ожидал, когда же будет закончено строительство церкви. Пока же он был капелланом в соборе, куда фру Сэм и отправилась.

— Я рада, что новая церковь не достроена и мы будем избавлены от этого... — она хотела сказать «кощунства», но сдержалась. Бросила взгляд на хоры.

— Они, конечно, будут венчаться здесь?

— Нет, они будут венчаться не в церкви.

Фру Сэм раскрыла рот.

— Андерсен и его невеста только что были здесь. Они хотят венчаться дома.

— Дома?

— Да, в своем саду.

— По-моему, это еще хуже, — сказала фру Сэм, придя наконец в себя. — Значит, нам будет навязано это... это! Это будет происходить рядом с нами.

— Я тоже считаю, что венчание уместнее в церкви, но в этом вопросе Андерсен и его невеста непоколебимы. И я не мог возражать. Ведь я впервые свершаю венчание в нашей новой общине.

— Ну, пусть бы они зарегистрировали свой брак по-граждански, без шума! — сказала она через несколько дней, идя вместе с фру Лейвестад и фру Рошер-Теодорсен в кооперативный магазин. — А то венчание! Использовать церковь подобным образом аморально, и я не понимаю, как пастор мог согласиться!

— Ему ничего другого не оставалось, — высказала свое мнение фру Рошер-Теодорсен.

— Мой муж только вчера сказал: голос совести должен быть сильнее холодных параграфов закона.

Фру Лейвстад, не интересовавшаяся церковными делами, ничего на это не ответила. Ее куда больше занимало то, что фру Андерсен будет в белом подвенечном платье.

— Я сама была в белом, — с некоторой горечью произнесла она.

— В белом? — спросила фру Рошер-Теодорсен, которая, увы, бракосочеталась в радушье.

— Да, и я имела право быть в белом, хотя мы были обручены целых три года. У него даже была своя квартира. Не всегда было легко!

— И такой чудесный муж!

— Тут завидовать нечему, — сказала фру Сэм, которая была самой старшей из троих.

— Да, теперь нечему, — согласилась фру Лейвстад. — Но тогда все было иначе. Я помню, как однажды мы были в горной хижине.

— Расскажите! — фру Рошер-Теодорсен переложила сумку в левую руку, чтобы идти совсем рядом. Но она была слишком уж настойчива.

— Это неважно, — ответила фру Лейвстад и вцепилась в маленькую девочку, направляющуюся к калитке Андерсенов.

— Вы можете, во всяком случае, утешать себя тем, что имели право быть в белом, — сказала фру Сэм, когда ребенок перестал плакать.

— Право, право! — несколько грустно произнесла фру Лейвстад.

И фру Рошер-Теодорсен тоже стало грустно. Наверное, оттого, что она молодая, а муж на пятнадцать лет старше. Он был такой здоровый и сильный, когда была свадьба. Теперь он стал еще здоровее: каждый год приходилось покупать костюм на номер больше. Она прочитала в какой-то книге, что это может быть результатом плохого обмена, но сама-то считала причиной сидячую работу в банке. Оттого Рошер-Теодорсен беспрестанно занимался физическим трудом, работал или в подвале, или в саду, чтобы держать себя в форме. Еще он делал гимнастику по утрам и по вечерам и валился в постель смертельно усталый. По ночам фру Рошер-Теодорсен часто лежала с открытыми глазами, думая, как все было чудесно в первое время. Муж говорил так много ласковых слов, как их забудешь. Обычно он говорил, что она инструмент, на котором он играет. Теперь она часто плакала по ночам, потому что он этого больше не говорил и потому что засы-

пал так быстро. В последнее время фру Рошер-Теодорсен часто думала и об Андерсене. Вот простой чернорабочий, а руки у него очень красивые, с длинными пальцами. А от его игры на аккордеоне, доносившейся из сада, возникало какое-то странное чувство...

Вошли в магазин. У одной из касс стояла фру Хермансен с полной сумкой.

— Я оставляю здесь сумку ненадолго, только забегу к Андерсенам.

Сказано это было так громко, что все слышали. А ведь утром в большом магазине обслуживания было полным-полно.

Возможно, фру Хермансен сказала так с умыслом. Дело в том, что несколькими днями ранее каждая семья нашла в почтовом ящике конверт, в котором содержалось торжественное приглашение, напечатанное золотыми буквами: «Хильдур Софи Эвенсен и Карл Альфред Андерсен имеют честь пригласить вас на бракосочетание 20 июля в 18 часов.

Бракосочетание имеет быть в саду».

В доме Андерсенов царила полная неразбериха. Повсюду возились рабочие, Эрик и два столяра ломали перегородку. Гостей пригласили столько, что большая комната всех вместить не могла.

Сам Андерсен стоял у зеркала в маленькой комнате и следил за тем, чтобы все шло своим чередом. Он примерял полуготовый фрак; портной, ползавший на коленях и проверявший длину брюк, изо всех сил пытался поскорее закончить работу, ибо Андерсен ни минуты не мог постоять спокойно.

— Нет, нет, не так, шевели мозгами, когда ломом работаешь! — кричал он Эрику и подкладывая чурбан под лом; пятидюймовый крюк высканивал, издав скрипучий звук. — К лому тыща подходов. Каждую доску нужно отрывать по-своему.

— Я никогда этому не научусь, — стонал Эрик. С него ручьями тек пот, руки были ободраны.

— Челуха. Станешь постарше — и мы сможем работать вместе. Откроем свою фирму. Строительный подрядчик может обанкротиться, но кто сносит дома, тот может и все выиграть, а терять ему нечего!

— Недурная идея, — с надеждой в голосе проговорил Эрик.

— Ты не можешь себе представить, что попадается за старыми стенами! Наворованные вещи, любовные письма, а однажды мы нашли скелет.

— Скелет? — закричал вошедший Рогер.

Оба столяра отложили инструменты и подошли поближе, чтобы послушать. Никто не заметил вошедшую фру Хермансен.

— Скелет женщины, — продолжал Андерсен, колотя по дверному косяку.

— А как ты узнал, что он от женщины?

— У него широкие бедра.

— Врешь! — удивилась Сильви.

— Вру? Когда мне самому пришлось разбивать скелет? Он лежал за панелью. Но иногда можно найти очень ценные вещи. Однажды мне попались две бутылки портвейна Робертсен 1842 года. Такой портвейн пил Черчилль, когда приезжал сюда в сорок седьмом.

Дверной косяк с шумом рухнул, и Андерсен потерял руки.

— А теперь, ребята, выпьем пивка!

Андерсен открыл люк в подвал и исчез. Вернувшись с пивными бутылками, он увидел фру Хермансен. Страшно смутившись, поставил бутылки, чтобы поздороваться. Эрик тоже засмутился, увидев мать.

— Я не буду мешать, вы же хотели угостить пивом мужчин, — кивнула она в сторону столяров и Эрика.

— А вы не выпьете пивка, фру Хермансен?

— Я пришла повидаться с фру. И с Туне, — добавила она и улыбнулась Эрику.

— Они в спальне... Там портниха! — Андерсен отбросил в сторону какие-то доски, чтобы можно было пройти. — Извините за наряд, — застыдился он. — По-моему, фрак — это чужь. Но моя жена очень хочет, чтобы я был во фраке, а в нынешнем разе нужно быть снисходительным! — и проводил гостью на второй этаж.

Портниха, которая шила подвенечное платье фру Андерсен, была замужем за портным, примерявшим теперь фрак Андерсену. Оба специализировались на свадебных нарядах и давали общую рекламу в «Афтенпостен». Его звали Сигурд Людерсен, а поскольку у его отца было то же имя и та же профессия, он прибавлял к своему имени «младший», хотя уже давно перешагнул границу среднего возраста. Жена была еще старше, но это не бросалось в глаза, поскольку она была скроена из крепкого материала — маленькая, сильная, с немного брюзгливым выражением на круглом как шарик лице. Во время работы рядом с ней всегда стояла бутылка пива, кроме того, она курила сигары и использовала их в качестве подушечек для булавок. Некоторые клиенты жаловались, что от подвенечных нарядов несет пивом и гаванскими сигарами.

Сейчас она стояла, окидывая критическим взглядом фру Андерсен. Туне прикрепляла матери фату, чтобы посмотреть, как все это будет выглядеть. Фру Андерсен вдруг превратилась в смесь тюля и невинности.

— Нельзя! — крикнула она, когда Андерсен постучал в дверь.

— Чепуха! — проворчала портниха.

— Это фру Хермансен!

Фру Андерсен хотела было снять подвенечное платье. Это посещение было так неожиданным...

— Ведите себя, как взрослые люди, — портниха вынула сигару изо рта. — Войдите!

Фру Хермансен пришла в восторг от платья. Фру Андерсен пришлось кружиться, чтобы было видно со всех сторон, а Сильви приподняла платье и показала, что подкладка такая же красивая.

— Иди отсюда! — портниха стукнула Сильви по руке и допила пиво.

— Принеси еще бутылку, — сказала фру Андерсен девочке.

Казалось, фру Хермансен что-то усиленно вспоминает. Она посмотрела на пивную бутылку, потом на портниху, усевшуюся на кровать.

— А вы случайно не фрекен Му?

— А кто же еще?

— Я тебя узнала по пивной бутылке. Я одна из тех немногих швей, кто носил пиво главной мастерице, — с улыбкой сказала она, обращаясь к фру Андерсен.

— Я не знала, что вы из портних.

— Это было очень давно.

— Я больше не фрекен Му, — донеслось с кровати.

— Ты вышла замуж?

Портниха стряхнула на пол пепел с сигары и кивнула головой в сторону двери:

— Мужской портной! А ты?

— Я тоже замужем, — ответила фру Хермансен. В ответе не было и тени восторга. Портниха испытующе посмотрела поверх очков.

— Все, видишь ты, должны выходить замуж. Это словно эпидемия оспы!

— Да, но это все-таки приятнее, — сказала фру Хермансен специально для фру Андерсен, у которой был несколько растерянный вид.

— Приятнее? — портниха села и глотнула из бутылки, которую принесла Сильви. — Приятнее для кого? Во всяком случае, не для меня. Бегут к тебе одна за другой, и каждая хочет, чтобы ей сшили новое платье к свадьбе. А тебе кто поможет... — и начала рыться в кусках материи, лежащих в распахнутом чемодане.

— А где ты работаешь? — вдруг спросила она, глядя на фру Хермансен.

— Я дома.

— У тебя ребята?

— Мальчик. Почти взрослый. Почти обручен, насколько мне известно, — она покосилась на Туне, которая вдруг заторопилась приложить фату.

— И ты болтаешься без дела? Сидишь дома? В твоём возрасте!

— Не хотите ли выпить чашечку кофе? — предложила фру Андерсен, чтобы сменить тему. Но портниха не дала фру Хермансен времени ответить.

— Ты можешь работать у меня.

— Я, наверное, все забыла!..

— Чепуха. Человек не забывает того, что когда-то умел. А ты умела! Здорово ты сдурила, когда ушла от меня, — в ее голосе прозвучало явное признание квалификации фру Хермансен, и портниха стала раскладывать куски материи на кровати. — Смотри, работы достаточно. Фру Оватсгор, фру Финсен, фру Бюгланн, фру Вик. Они сюда бегом прибегут.

— Фру Вик тоже придет? — радостно спросила фру Хермансен.

— Само собой — все с ума посходили, — она с раздражением стряхнула пепел с сигары и продолжала вытаскивать куски материи из чемодана. — Выкройки вложены внутри. Начинай!

Она явно забыла о прошедших двадцати годах. Но фру Хермансен не забыла. Когда она через полчаса шла домой с отрезами в оберточной бумаге, сверток казался тяжелым как свинец. Но, выдвинув электрическую швейную машину и изучив выкройку, она, к своему изумлению, заметила, что впервые за много лет чувствует себя бодрой, в хорошей форме.

Она снова начала работать.

* * *

Хермансен, не веря глазам своим, смотрел на собственную веранду, где проветривалось постельное белье. В десять минут пятого! Сотни людей прошли за день мимо и видели висевшее белье, словно развевающуюся на ветру насмешку над параграфом восьмым Правил.

С удивительной резвостью Хермансен пробежал по лестнице и сорвал белье. В гостиной крикнул:

— Элисе!

Никакого ответа. Он плечом толкнул дверь в спальню. И тут же отпрянул, дверь захлопнулась перед его носом. Хермансен увидел нечто такое, чему отказывался верить: женщину в трусиках и бюстгалтере. Лица разглядеть не удалось, поскольку голова была укутана в красную ткань — очевидно, женщина снимала с себя платье. А жена стояла рядом. «Неужели у нее противоестественные наклонности?» — вот что прежде всего пришло на ум. Неужели в его собственном доме происходили чудовищные вещи? По коже побежали мурашки.

Но он услышал за дверью голос жены, звучащий спокойно, отнюдь не испуганный.

— Положи пока белье на диван!

Он вернулся в гостиную. Арифмометр и приходо-расходные книги убраны со стола, взамен разбросаны отрезки, журналы мод; тут же стояла швейная машина и две грязные кофейные чашки.

Он вышел в кухню. Посуда не вымыта, плита холодная, стол не накрыт. Хермансен услышал голоса и смех в передней, а немного погодя увидел фру Вик, шедшую по саду. Когда он снова вошел в гостиную, жена сидела за швейной машиной.

— Сегодня тебе придется самому позаботиться о еде, — без обиняков сказала она. — Посмотри в холодильнике, там что-то осталось.

— Как это понимать?

— Так, что я занята. Мне нужно поработать.

— Что делала эта женщина в моей спальне?

— Это фру Вик.

— Вот как, — сказал он спокойно как только мог. Он обычно не терял самообладания, не потерял и сейчас. — Будет ли мне позволено спросить, что делала фру Вик в моей спальне?

— В твоей?

— Ну, в нашей! — резко произнес он, злясь, что неверно сформулировал фразу.

— Потому, что это единственное место в доме, где есть приличное зеркало. Мы примеряли... — и показала платье. Красное, ярко-красное. — И вообще, я считаю, ты мог бы говорить о моих клиентках более любезно.

— Клиентках? Ты что, заделалась портнихой?

— Милый, я и есть портниха. Это была моя профессия до встречи с тобой. Ты забыл?

— Нет, я не забыл, не следовало бы и тебе забывать, — сказал он, оглядывая комнату.

— Ты хочешь сказать, что я должна быть тебе благодарна?

— Я хочу сказать, что выполнил свои обязательства, — оскорбленно произнес он. — Работаю день и ночь, сверхурочная работа, срочная работа...

— Я знаю, но если я тоже стану зарабатывать, тебе будет легче.

Слова поразили его словно глубинная бомба; последствия нельзя было даже предсказать.

— Итак, ты берешь с них деньги? — наконец спросил он.

— Конечно. Только за одно это платье я получу сто крон. Их почти хватит, чтобы покрыть штрафы за то, что ты машину ставил где не положено.

— Прошу тебя не вмешиваться в мои экономические дела.

— Хорошо. Тогда я истрочу деньги на себя.

— Я даю тебе деньги, и нет необходимости, чтобы ты для кого-то шла, — он повысил голос.

— А разве есть необходимость тебе сидеть в банке? — невинным тоном спросила она.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что банков слишком много. Почти на каждом углу банк, но приходится обезжать весь город, чтобы найти приличную портниху.

— Это похоже на дурацкую предвыборную речь кого-нибудь из крайне левых, — насмешливо сказал он. — Кто сказал, что банков слишком много?

— Да Андерсен, например!

Она снова произнесла фамилию «Андерсен» не краснея. Это его взбесило.

— Что ты делала у Андерсенов?

— Я поблагодарила их за приглашение на свадьбу.

Хермансен мерил шагами комнату. Через минуту произнес:

— Мы не пойдем! — это были важные слова, приказ, приговор верховного суда. Но только они не возымели действия.

— Я пойду, — сказала она, спокойно продавая нитку в иголку.

— Нет, не пойдешь! Ты не сделаешь нас посмешищем в глазах всего поселка.

— Я не одна иду, — невозмутимо ответила она.

Он снова совершил ошибку: приговор не обсуждается. Но надо же было знать, как далеко зашел бунт.

— Кто еще?

— Фру Вик, например. Поэтому она и заказала новое платье.

Хермансен подошел к столу и двумя пальцами откинул отрез. Поставил на место счетную машину, но жена не поднялась со стула.

— Я считаю, что ты слишком оптимистично настроена. Мы в банке как раз обсуждали проблему и решили бойкотировать эту так называемую свадьбу.

— Можете сидеть дома и сосать лапу. Мы пойдем одни!

— Кто — мы?

— Мы. Женщины!

Это отдавало мелодрамой, и он кисло заметил:

— Странно, этот Андерсен влияет на женщин просто магически.

— Да, и что?

— Меня это не удивляет, — сказал он. — Если речь идет об аморальности, от него можно ждать чего угодно.

Она включила швейную машину. Звук этот раздражал Хермансена все больше и больше.

— Он даже бросил работу. Шатается тут без дела и крутит вам головы, а мы работаем изо всех сил, чтобы прокормить свои семьи.

— А может, он дает то, чего не могут дать другие?

— Ты подразумеваешь меня?

— Тебя и всех остальных.

— О чем ты говоришь? — подозрительно спросил он. — Разве у тебя нет всего, что может потребовать женщина, в определенных рамках, конечно? — и обвел рукой гостиную.

— Я ничего не требую, — сказала она, показывая, что хотела бы кончить разговор. Но как раз этого он не хотел. И перешел в наступление.

— Но я требую! — закричал он. — Я требую хотя бы уважения.

— За что?

— Уважения! — повторил он и на этот раз действительно стукнул рукой по столу. — Я тружусь изо всех сил, а...

— А результат? — она тоже повысила голос. Отложила шитье и смотрела ему в глаза. — Ты устаешь! Измотан! Без сил! Ты больше занят соседями, чем своей семьей.

— Это неправда!

— Твой собственный сын стал тебе чужим.

— Продолжай, — резко произнес он.

— Ты стал плохим любовником!

Он беспомощно махнул рукой и в наступившей тишине вспомнил какие-то туманные фразы из Библии — описание того, как божий человек Илия узнал о поражении израильского войска, о том, что пали его сыновья и захвачен ковчег завета. Хермансен упал на стул, словно со сломанным позвоночником. Но поднялся, выпрямив спину.

— Ты говоришь о вещах, о которых понятия не имеешь, — пробормотал он. Выйдя в переднюю, Хермансен еще больше выпрямился. Жужжала швейная машина. Потом наступила тишина и послышался слабый шелест разрезаемого ножницами шелка.

Вне себя от злости, он раскрыл щиток и вывернул пробки.

* * *

— Это всего лишь временное решение!

Хермансен сидел на диване у фру Сальвесен и как потерянный смотрел на две пробки, с ужасом вспоминая кошмарную сцену с женой. Фру Сальвесен сидела в противоположном углу дивана и убежденно говорила:

— Мы не должны сдаваться. На нас лежит ответственность.

— Да, — ответил он, но голос звучал глухо и невыразительно. Удар был слишком силен. — Она сказала, что я плохой отец.

— Ужасно, чтобы женщина говорила такое своему мужу. А что еще она сказала?

— Я не могу повторить. Это слишком обидно, слишком оскорбительно.

Фру Сальвесен смотрела на его руки, которыми он закрыл лицо.

— Мне кажется, я знаю, что она сказала. — тихо проговорила она. — Я думаю, что она глубоко ошибается! — В это время Сальвесен вошел с веранды, и она сердито обернулась к нему: — Сними ботинки!

— Мне бы...

— Я только что натерла пол.

Муж снял ботинки и пошел на кухню за трубкой.

— Ты мог бы сразу сказать, что тебе трубка нужна, — это было сказано, когда он снова зашнуровывал ботинки. — Клумбу ты в порядок привел?

— Привел.

— Тогда подстриги живую изгородь!

— Хорошо, Юрдис. Все будет так, как ты хочешь.

Фру Сальвесен привыкла к тому, что муж делал все, что ни скажешь, но всегда для начала сопротивлялся. За последнее же время стал подозрительно сговорчив. Два дня назад она перебралась в подвальный этаж, и тогда он сказал почти те же слова: «Делай как тебе хочется, Юрдис!»

— Может быть, выпьешь чашку кофе? — предложила она немного любезнее.

— Нет, спасибо, пойду кусты стричь!

— А вы хотите кофе? — обратилась она к Хермансену, когда муж ушел.

— Да, спасибо.

Сидя на диване, Хермансен наблюдал за фру через открытую дверь кухни. На ней было светлое летнее платье, одноцветное, с короткими рукавами и молнией на спине, спускавшейся от ворота до самого низа. Он ощутил какое-то странное покалывание в затылке и судорожно сунул пробки в карман.

Уже в течение долгого времени оба слышали какой-то странный звук, доносившийся из сада. Как будто там что-то рубили. Она подошла к окну.

— Боже! — воскликнула фру Сальвесен. — Вы должны вмешаться. Вы мужчина!

Это была не просьба, а мольба. Он тяжело поднялся с дивана и подошел к окну.

Фру Хермансен тоже стояла у окна и смотрела на живую изгородь. Стояла долго, ведь ток был выключен и швейная машина не работала. Нельзя даже сварить себе чашку кофе для успокоения, поэтому пришлось открыть

бутылку коньяку, приготовленного, собственно, для отпуска, и до краев налить себе большую рюмку. Помогло. Помогло совершенно невероятно, и она налила еще одну. Это было просто необходимо. Расправа с мужем не прошла бесследно. Она наговорила такого, чего, может быть, не стоило говорить, но выходка с пробками заглушила чувство вины, и злость не ослабевала.

Не понять, в чем тут причина — в коньяке, в злости или в каких-то других, не поддающихся контролю ощущениях, но при виде Сальвесена на газоне пульс участился.

Сальвесен подходил к изгороди с ножницами в руке. Постоял, глядя на изгородь, прямоугольную, ровную, как скамья. Раза два щелкнул ножницами в воздухе, прежде чем приступить к работе. И стал обрезать не маленькие зеленые побеги, а приставил ножницы к корням, резанул — раз, два, три; и вдруг изгородь укоротилась на один куст, закончилась неровной линией, похожей на сломанную балку. Он отбросил куст в сторону и принялся за другой. Работал он спокойно, создавая впечатление, что действует обдуманно, с глубоким смыслом.

— Я ему сейчас помогу, — прошептала фру Хермансен. И так заспешила в сад, что позабыла поставить рюмку и подошла к Сальвесену, держа бутылку в руке.

— Я вижу, ты изгородь подстригаешь, — сказала она очень тихо, чтобы не помешать работе.

Он кивнул и посмотрел ей в глаза. Злость, бушевавшая в обоих, вызвала чувство общности, совсем не похожее на прежний флирт возле той же изгороди.

— Ты делаешь полезное дело, — сказала она одобрительно. Коньяк настраивал на несколько торжественный лад. — Тебе нужно подкрепиться.

Твердой рукой она налила полную рюмку.

— Необычайно полезное, — он взял рюмку и поглядел в небо. — Думаю, господь бо́г рад этому делу. Ему ведь никогда не пришло бы в голову заставлять живое расти таким образом! — и выпил рюмку до дна, а когда вернул ее, фру Хермансен снова налила.

— Теперь ваша очередь. Твоя очередь, — оба перешли на «ты», не заметив этого.

— Я уже выпила две рюмки. Попробуй догнать меня. — Он выпил еще, а чтобы ему не пить в одиночку, она налила и себе. И почувствовала себя молодой и сильной, как никогда. Злость вдруг исчезла, хотелось чего-то более конструктивного, соответствующего настроению. — Если мы возьмемся вдвоем, то, может, выдерем тут все с корнем! — бодро сказала она и поставила бутылку на землю.

— Это восстание. Вы должны вмешаться, Хермансен! — сказала фру Сальвесен.

— Не могу же я драться с собственной женой!

— Вы можете драться с моим мужем! — Она знала, что Хермансен прав, и это бесило тем больше. Ничего нельзя поделать. Соседи уже стали обращать внимание на то, что происходит у изгороди. Оставалось только бесильно стоять за гардиной и глядеть на разрушение.

А те двое на газоне вели себя все более возмутительно — выдергивали с корнем кусты, помогая себе вилами, и без смущения весело покрикивали, чтоб тащить в такт. На газоне росла куча искалеченных веток и торчали черные бахромчатые корни. Время от времени разрушители чокались. Они уже не наливали в рюмку, а пили прямо из бутылки. Некоторые кусты не поддавались. Тогда на помощь приходили соседи, им тоже предлагали выпить.

— Обычная партизанская тактика, — мрачно сказал Хермансен. — Привлечь население на свою сторону.

— Во всем виноват Андерсен.

— Да, — уже одно это имя заставило его вскочить с дивана. Он беспокойно заходил взад и вперед по комнате, но старался не подходить близко к окну. — Не пошевелив пальцем, всех их с толку сбил. А теперь еще эта женитьба!

— Мы должны помешать людям пойти на свадьбу, — твердо сказала фру Сальвесен. Но даже ее энтузиазм не помог вернуться боевому настроению.

Снизу, из сада, доносились снова смех и крики.

— Непостижимо! — пробормотал Хермансен и рухнул на диван. Теперь они сидели рядом. — Помните, как мы создавали жилищный кооператив пять лет назад? — грустно спросил он. — В столовой нашего банка?

— Вас единогласно выбрали председателем. — Ей тоже вдруг стало грустно.

— Не единогласно. Два голоса против.

— Я не могу ошибиться. Одну минуту... — она посмотрела в протоколы, лежавшие на полке. Какое чувство уверенности они придают, когда держишь их в руках, переплетенные в коричневую кожу и на каждом листе печать.

Теперь между ними были протоколы. Она быстро листала их.

— Это на первой странице, — сказал Хермансен и улыбнулся улыбкой обиженного человека. — Первое общее собрание.

— Вы помните, какого числа?

— Двадцатого июля, — он внезапно вспомнил число и с какой-то сладострастной болью констатировал, что чаша страданий еще не испита до дна. — Я не думаю, что мы все это заслужили.

Фру Сальвесен, наоборот, оживилась.

— Нам нужно устроить юбилейное торжество.

— Вы считаете, что есть основания для праздника?

— Неужели вы не понимаете? — она хлопнула книгу протоколов, прикосновение к которой придало ей новые силы.

— Мы их побьем их собственным оружием! Торжество. В убежище. Ни одна душа не пойдет на свадьбу.

На мгновение в его глазах затеплилась надежда, но сразу же погасла.

— Нельзя. Он сумел привлечь на свою сторону даже церковь. Женщины вздыхают от умиления.

— Мне стыдно за свой пол!

Даже и ее боевой задор иссяк, слишком сильное испытание выпало на их долю. В затылке и склоненной спине было что-то настолько трогательное и беспомощное, что он инстинктивно протянул руку, чтобы ее утешить. Но снова обнаружил проклятую молнию и отдернул руку. И больше не мог на себя положиться.

— Я пойду, — прошептал он.

Он вышел через черный ход, ибо не мог себя заставить пройти мимо изгороди, где по-прежнему продолжалось бесчинство. Не было сил идти и домой. Тошнотворно было подумать о встрече с женой: он видел ее перед собой взвинченную, потерявшую над собой контроль, пьяную. Непостижимо!

Хермансен быстрыми шагами шел по поселку. Начал накрапывать дождь, стало темнеть, и соседи не смогут его заметить. Впервые он шел по своему поселку, желая только одного — остаться незамеченным. То, что произошло у изгороди, и то, чего не произошло на диване фру Сальвесен, надрывало душу и заставляло бежать и бежать.

Чтобы успокоиться, он судорожно сжал в кулаке лежавшие в кармане пробки. Но это не помогло, а только вызвало новые ассоциации — о молнии фру Сальвесен, о ее затылке...

Теперь его дом погружен во мрак. Люди начнут говорить об этом, да они, наверное, уже сидят и болтают во всех кухнях и гостиных, мимо которых идет он. Через открытые окна лился свет, в отблесках можно было различить почти светящиеся белые шарики одуванчиков,

которые пышно распустились на газонах. Пример Андерсена оказался заразительным. Но кое у кого газоны в порядке, трава подстрижена. Он знал, кто против него и кто по-прежнему на его стороне.

Он миновал кооперативный магазин и вышел на поляну между строениями и лесом. Дождь усилился, но не было сил повернуть назад. Не было сил и идти дальше. Около тропинки стояла ель, он пролез под низкими хвойными лапами и сел, прислонившись спиной к стволу. Сквозь ветки виднелись огни поселка. Моросил дождь, вокруг раздавался тихий шелест. Он не мог вспомнить, когда чувствовал себя таким одиноким. Он всегда был занят, всегда заседал в каких-то комиссиях, на собраниях, всегда был среди людей и в хлопотах. Зачем же старался? Пусть бы все шло как шло, самотеком.

А теперь он сидел, прислонившись к ели. Неужели все прахом? Даже последнее решение правления не помогло. Андерсен безответственно сорил деньгами, на сад и дом смотреть было страшно. А может, это на пользу — постоянное напоминание, как хорошо живется другим? Им никогда не жилось так хорошо, как теперь.

Все это были простые люди, вышедшие из низов. Так и он сам: отец был водителем грузовика и не имел возможности дать своим детям образование, лишь он сам сумел выбиться, окончить среднюю школу, потом торговую школу и наконец поступить в банк. Было нелегко этого добиться. Так и другие, кто приехал с мелких хуторов, из маленьких городков, с дальнего севера, а теперь живет здесь, у каждого свой дом, палисадник, машина, холодильник.

Может быть, им на пользу напоминание о том, что не зря трудились? Однако Андерсен становился примером чего-то противоположного. Делай как Андерсен! Это уже не веселая шутка, а нечто глубоко серьезное. Случай с кустами пугал своей стихийностью, разрушительным духом. Если к тому же люди пойдут на свадьбу, положение усугубится. Это будет уступкой, одобрением всего андерсеновского, того, против чего нужно бороться.

Он снова подумал о фру. Сальвесен, но теперь увидел перед собой не молнию на платье, а несгибаемую, непоколебимую женщину, верного соратника в течение пяти тяжелых лет. Она боролась так мужественно, и нельзя ее разочаровывать. Он ее председатель, она — его секретарь!

Он почувствовал, как уныние сменилось решительностью. Он рывком вскочил и пошел напролом, как лось, продираясь сквозь мокрую чащу. Лил дождь, вода потоками стекала с волос за шиворот, одежда промокла почти на-

сквозь. Ну да все равно, и раньше приходилось встречаться со стихией.

Вернувшись домой, он заметил слабое мигание света за гардинами в спальне и включил свет. Двухспальная кровать по-прежнему стояла на своем месте, но постельного белья на половине жены не было. Промокший до костей, он стоял у кровати, испытывая несказанное облегчение. Как в общем разумно построены эти дома и как предусмотрителен был он сам, убедив строительный комитет в необходимости оборудовать подвальную часть дома как гостиную с камином!

Он бродил по верхней гостиной, согрешившись, ходил босиком, в халате. Какое наслаждение смотреть на окружающие тебя вещи. Немного рассердило отсутствие бутылки с коньяком, но и то хорошо. Ему не нужны стимулирующие средства, он обойдется без допинга. Хермансен чувствовал себя в великолепной форме. И начал планировать военный поход. Хлопнула входная дверь, и на мгновение он испугался, что это жена. С выяснением отношений лучше подождать до завтра.

Но это был Эрик. Он шел крадучись, а увидев отца, остановился.

— Привет, Эрик! — сказал Хермансен и встал.

— Привет! — Эрик немного поморгал глазами. — Где мама?

— Спит в каминной гостиной.

— В каминной гостиной?

— Да, так холодно, что она решила затопить камин.

— Да ну? — Эрик посмотрел на лестницу, ведущую в подвал, и двинулся было к перилам.

— По-моему, она спит. Садись, Эрик!

Эрик недоверчиво смотрел на отца — голос у того звучал совсем необычно.

— Говорят, мама выкорчевала всю живую изгородь?

— Да, мы решили это сделать. Сальвесену очень хотелось избавиться от изгороди, и мы не стали возражать. Хочешь стакан пива?

— Пива?

— Я тоже выпью стакан!

Эрик сел на краешек дивана и не шевелился до тех пор, пока Хермансен вернулся с бутылкой пива и двумя стаканами.

— Твое здоровье, Эрик!

— Твое! — Эрик выпил стакан до дна и украдкой бросил взгляд на мокрый пиджак отца.

— Где ты был?

— Я немножко прогулялся, — просто ответил Хермансен.

— В такую погоду?

— Мне нужен моцион. А ты где был?

— У Андерсенов, — сказал Эрик и уставился на отца упрямым взглядом.

— Правильно, — невозмутимо сказал Хермансен. — Я видел тебя, когда проходил мимо.

— Я хожу куда хочу, — сказал Эрик.

— В твоём возрасте я делал то же самое. А куда вам еще ходить, хотел бы я знать? Здесь молодежи и пойти некуда.

Эрик налил себе второй стакан, остатки из бутылки.

— Когда я был молод, мы ходили в клуб. Во всяком случае, по субботам.

— А что вы там делали? — судя по выражению лица, беседа начинала интересовать Эрика.

— Танцевали!

— Танцевали?

— Но тогда танцевали другие танцы. Вальс, фокстрот, танго. А что вы танцуете?

— Всего понемножку, — Эрик выпил до дна.

— Кажется, есть какой-то танец, который называется свинг?

— Что-то не слышал, — уклончиво ответил Эрик.

— А твист?

— Шейк, — сказал Эрик.

Хермансен перелил остатки из своего стакана в стакан Эрика.

— Шейк? А как он танцуется?

— Ну, определенных правил нет. Танцуйшь как хочешь.

— Вот как? — произнес Хермансен, как бы обдумывая ответ. — Да, теперь все иначе, песни и музыка тоже другие. В мое время пели «Золотое колечко» и «Следи хорошенько за своим сердечком, Маргрете!».

— Я слышал эти песни в концерте по заявкам.

— А теперь «Битлз», да?

— У нас много хороших ансамблей и в Норвегии!

— Какие же?

— Например, «Четыре черта», — глаза у Эрика немного затуманились, может, подействовало пиво. — Но сейчас они вообще-то уже не в форме. На сегодня популярны «Билли Дилли».

— «Билли Дилли», — повторил Хермансен и записал в свой блокнот.

— А почему ты спрашиваешь? — подозрительно спросил Эрик.

— Мы просто хотели устроить маленький вечер, юбилей.

— Здесь, в поселке?

— Да, в убежище. И конечно, нам хотелось подобрать такое, что нравится молодежи.

* * *

На первый взгляд ничего сенсационного в ближайшие дни не произошло. Каждое утро караван машин выезжал из поселка, женщины занимались домашними делами, ходили в магазин.

Сбыт в кооперативном магазине значительно повысился, об этом, по крайней мере, свидетельствовал наплыв покупателей. И в самом магазине, и перед ним всегда было полно людей — верный признак того, что назревает какое-то событие. Конечно, комментировался и эпизод у живой изгороди. А когда позже стало известно, что обе жены перебрались в подвальные гостиные, соседи не могли не сделать того вывода, что отношения в супружеских парах не таковы, как бы следовало.

Но жителей поселка занимало не только это. Пошли слухи о юбилее, который будет отмечаться в убежище. Там за закрытыми дверями стучали молотками, столярничали. Шестнадцатого июля днем на столбах и на специальной доске были расклеены объявления. С необычайной точностью Хермансен и фру Сальвесен назначили время — в половине шестого, за полчаса до свадьбы Андерсенов, рассчитав, что даже тот, кто решил пойти на свадьбу, сначала заглянет в убежище, чтобы послушать «Билли Дилли», которых Хермансену после долгих переговоров удалось таки пригласить.

Беспримерно: «Билли Дилли» выступят в поселке! Объявление о празднике висело символом раскола, вокруг собирались люди и высказывались за и против. Одни ругали Хермансена и правление, что выбрали такое время, другие — Андерсена за вызывающее поведение, нельзя же устраивать свадьбу в день юбилея поселка.

Естественно, сам Хермансен не принимал участия в таких дискуссиях. Он действовал за кулисами. Лето ведь вообще трудное время. Комиссии полностью прекратили работу, к тому же кое-кто вышел из их состава, чтобы оказаться в оппозиции. Акции протеста зашли так далеко, что два члена кооператива — Вольд и Гросталь — не стали красить свои дома. А ведь члены кооператива обязались это делать каждый третий год. Иные предались лени и загородным семейным прогулкам.

Хермансен видел все и молчал, зная, что большинство по-прежнему на его стороне. Внезапная симпатия к Андерсену заглухнет сама по себе, в особенности если вечер в убежище будет иметь успех. Даже безответственная трата денег Андерсеном теперь не возмущала, на-

оборот, было приятно узнавать о новых бессмысленных покупках. По расчетам Хермансена, выигранные деньги скоро иссякнут, наступит банкротство, и Андерсен станет еще более устрашающим примером, чем раньше. Поэтому Хермансен взирал на события в поселке почти спокойно. Неустанно занимался организацией вечера и делами кооператива. И работал над собой. Последние события словно лучом прожектора осветили тайники его собственной души. Он знал, что сам не безгрешен. Знал свои слабые стороны — скрытые, неукротимые силы, которые постоянно нужно держать в узде с помощью силы воли и самодисциплины. Поэтому всегда следил за тем, чтобы, по крайней мере, один из членов правления присутствовал на его совещаниях с фру Сальвесен.

Но по вечерам и ночью было сложнее. Он лежал на большой двуспальной кровати, которая казалась огромной, когда ты один. Ночи стояли теплые и тихие, бархатно-мягкий мрак производил впечатление вакуума, какое-то томление заставляло вскакивать с постели и подходить к открытому окну. Он часто стоял у окна, стараясь остыть и умерить волнение. Напротив, у Сальвесенов, была видна подвальная гостиная с открытым окном. Гардины трепетали на ветру, хотя ни один листик не колыхался на молодом тополе, росшем под окном.

Ночь за ночью, стоя у окна, он наблюдал это загадочное явление природы.

* * *

Весь июнь и первые дни июля стояла хорошая, теплая погода, но потом сменилась неустойчивой — с градом и грозами. К середине месяца погода снова как будто установилась. Двадцатого июля по синему небу плыли маленькие, кудрявые, словно овечки, облачка, предвестники хорошей погоды. Это прекрасный фон для флагов, колыхавшихся на летнем ветерке. Каждый дом в поселке вывесил флаги, и Андерсен был глубоко взволнован.

— Смотри, мать, весь поселок придет!

— А может, это из-за юбилея? — она обратила внимание на то, что и Хермансен вывесил флаг.

Юбилейный вечер, естественно, вызывал у нее некоторое беспокойство. Разве забудешь горькую обиду в тот памятный вечер три недели назад? С другой стороны, многие жители поселка выказали им столько симпатии, что становилось тепло на душе. Приходили соседки, она получала цветы и письма. Письма, правда, часто были анонимные, а некоторые из

них совсем не симпатичные. Но в большинстве шли поздравления соседей, которые сообщали, что лишены возможности нанести визит.

Андерсен был исполнен оптимизма, который всегда является наградой за любую творческую деятельность. Несмотря на то, что он оставил работу, забот было хоть отбавляй. Никогда еще не приходилось так торопиться. Одни только покупки — уже огромный труд. В дом верницей тянулись продавцы — пылесосов, жалюзи, представители страхового общества, агенты по продаже книг. Все они отличались невероятной любезностью, не нужно было даже платить наличными. Все можно взять в рассрочку, заплатив лишь небольшой первый взнос.

Но, естественно, больше всего забот требовала подготовка к свадьбе. У Андерсена не было времени думать о волнениях в поселке. Он вряд ли даже подозревал, что сам был их причиной.

Все устраивалось как нельзя лучше, единственное, что беспокоило, — это погода. После полудня небо стало заволакивать, темные нагромождения туч скапливались где-то на юге, но пока еще большая часть неба оставалась голубой. Солнечный свет превращал дом и сад в настоящую сказку. Сарайчики для игр сияли веселыми красками в зеленых кустах. В саду между деревьями были развешаны бумажные фонарики и гирлянды и накрыты три длинных больших стола.

Чтобы не загружать жену, Андерсен заказал сервировку одному из лучших ресторанов города, и четыре кельнера хлопотали с раннего утра. Два сарайчика они использовали как буфетные, а теперь украшали цветами празднично накрытые столы.

Кельнеров забавляло празднество, и за спиной Андерсена они слегка над ним подшучивали. Но их поставил на место метрдотель, пожилой, аристократической внешности человек, безукоризненно одетый, обходивший стол и все проверявший. С изысканным тактом он всем своим поведением давал понять, что данное ему поручение — это оскорбление и его достоинства, и репутации ресторана. Но полное отсутствие у Андерсена способности воспринимать тонкие намеки создавало горькое ощущение того, что мечешь бисер перед свиньями.

— Херр Андерсен! Я хочу посоветоваться с вами о празднестве! — медленно, словно ведя кинокамерой, он скользил надменным взглядом по лаковым ботинкам Андерсена, по брюкам от смокинга, на которых болтались подтяжки, по нижней рубашке и гриве, завитой по случаю наступающего события. — Не найдется ли у вас несколько минут до того, как, гм, вы пойдете одеваться?

— Давай! — добродушно ответил Андерсен. Они шли рядом, оглядывая накрытые столы.

— Что касается меню, то мы сначала подадим Consomme Vendoum.

— Прекрасно!

— А к супу я предлагаю Jeres Grande Reserve.

Андерсен, запинаясь, попробовал повторить.

— К рыбе...

— А будет что, семга?

— Семга, — подтвердил метрдотель. К ней мы предлагаем Clos des sorcières.

На этот раз Андерсен повторил бойко, а метрдотель тихо скрежетнул зубами.

— А теперь главное блюдо.

— Мясо!

— Конечно! К нему красное вино и портвейн к десерту, — быстро проговорил метрдотель, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор. Андерсен остановился.

— Какой марки?

— Ferreira Superior Tawny.

Иностранные слова вылетали из носоглотки метрдотеля, как звуки чудесной музыки.

— А нет ли у вас Робертсена?

— Какого прикажете?

— Робертсена 1842 года. Это хорошее вино.

Метрдотель украдкой взглянул на бензиновый насос, где Сильви качала воду в блюдо. Откашлялся.

— А вы знаете, что называете самое редкое вино в мире? — Андерсен кивнул. — Когда наш ресторан организовал обед в честь визита персидского шаха, мы обращались в посольства в Париже и Лондоне, чтобы раздобыть это вино, но ничего не достигли.

— Вот как, и шаху оно нравится? Эти ребята знают, что хорошо, — просто проговорил Андерсен.

Голос метрдотеля повисился на целую октаву.

— В последний раз Робертсен 1842 года подавали во время визита Черчилля в сорок седьмом, когда муниципалитет Осло устраивал ленч в вилле Хефтюе. Откуда взяли эти бутылки, для нас остается тайной.

— Это я их раздобыл, — сказал Андерсен. — Извините!

Он оставил метрдотеля и поспешил к воротам, у которых остановилась машина. Длинноволосый бородатый молодой человек высунулся из машины. За ним Андерсен углядел еще троих юношей со столь же пышной растительностью.

— Вечер здесь будет?

— Это «Билли Дилли»! — благоговейно прошептала Сильви.

Андерсен решил, что это кто-то из приглашенных женой, но когда один из приехавших сказал, что хочет поговорить с Хермансеном, стало ясно, что произошла ошибка, и машина умчалась.

* * *

Пастор Аяксен, сойдя с автобуса, от остановки пошел пешком. От шоссе до поселка четверть часа ходьбы, и эта прогулка была ему очень нужна и потому, что он любил ходить пешком, и потому, что нужно было время, чтобы подготовить проповедь. Он прочитал четыре сборника свадебных проповедей, но оказалось, что ни одна из них не годится. Случай слишком своеобразный. Венчание происходит в саду, к тому же статут брачующихся таков, что будет ошибкой взять за исходный пункт слова апостола Павла, величайшего авторитета в области брака. Апостол Павел тоже тут не годится. Он слишком строг, его изречения слишком однозначны и категоричны. Лучше всего обратиться к Иоанну, апостолу любви; то, что он был взят живым на небо, также дает простор для более свободного толкования.

Пастора тревожило и то, что горизонт затягивался сизыми тучами, вдалеке уже слышался слабый гром. Поэтому Аяксен почувствовал облегчение, подойдя к магазину и увидев здесь толпу.

Дети и взрослые были празднично одеты, а площадь украшена флагами и транспарантами. Аяксен решил, что венчание из-за погоды состоится под крышей, он был новичком в поселке и ничего не знал о юбилее, поэтому уверенно направил свои стопы к входу.

Хермансен тоже обрадовался, увидев пастора. Оркестр был давно на месте, «Билли Дилли» уже тут, и теперь ждали только фокусника. «Это, наверное, он», — подумал Хермансен.

— Вам надо переодеться, — сказал он, бросив взгляд на маленький чемоданчик Аяксена. — Первая дверь налево.

Аяксен прошел через убежище — большое, длинное помещение с побеленными известкой стенами, напоминавшее церковь, если б не противогазы и широкий ассортимент висевших повсюду огнетушителей, топоров и электрических фонарей. Здесь тоже все было разукрашено, на невысокой трибуне маленький джаз уже подбирал мелодию. Аяксен прислушался к электризирующим ритмам ударника и удовлетворенно кивнул. Он сам при всей смиренности любил джаз и с успехом использовал в работе с мо-

лодежью; музыка была фоном, на котором декламировались отрывки из нового издания Библии.

Он несколько растерялся, войдя в тесную раздевалку и увидев четырех длинноволосых юнцов. Они меняли элегантные белые сорочки и темные костюмы на брюки из дерюги, рубашки с блестками и ботфорты на высоких каблуках, тщательно причесывали свои гривы, издавая при этом некую смесь хриплых гортанных звуков и пения.

— А это что за тип? — спросил один из парней, явно руководитель. Он подошел к пастору, делая какие-то странные гимнастические упражнения ногами, чтобы влезть в узкие штаны.

— Нам не совсем ясно, что тут будет, карнавал или еще что?

Пастор только что надел ризу через голову и бросил на юнца удивленный взгляд.

— У меня, вероятно, есть основания задать тот же вопрос, — сказал он, протягивая руку. — Мы, кажется, незнакомы?

— Билли Дилли!

— Разрешите спросить, это имя вам дали при крещении?

— Вы что, тоже о нас не слышали? — сердито спросил молодой человек.

— Не имел чести.

— С чем выступаете в этом наряде?

— Это моя официальная одежда, форма.

— А это моя, — сказал Билли Дилли и затянул ремень.

— Кажется, я попал не по адресу, — сказал Аяксен и, поклонившись, вышел.

— Нас не узнают уже во второй раз! — со злостью проговорил Билли Дилли, глядя ему вслед.

— Не обращай внимания. Здесь, в восточном районе, публика некультурная, — заметил кто-то из товарищей.

Пастор шел по поселку в полном облачении. Шел против людского потока широким, быстрым шагом. Недоразумение разъяснилось и уже виден большой ясель в саду Андерсенов. Гроза приближалась, тяжелые массивные тучи заслоняли солнце, и раскаты грома заставляли ускорять шаги.

Сомнений больше не было. Людской поток двигался в противоположную сторону — к кооперативному магазину и юбилею Хермансена. Там будут петь «Билли Дилли». Люди слышали их выступления по радио, видели по телевидению, у каждого подростка пластинки с их песнями, все читали о них в газетах под рубрикой «Попмузыка». Эти певцы — герои на-

ции, астронавты музыки. Все желали услышать и увидеть их вблизи, а этому Андерсен мог противопоставить только свадьбу.

Однако кто-то шел и в обратную сторону, в том же направлении, что и Аяксен. Это были Сальвесен, фру Хермансен и еще несколько семейств.

Из всех домов выходили празднично одетые люди. Одни шли пешком, другие ехали на машинах. В убежище ведь не будут подаваться алкогольные напитки, вечер задуман как большое семейное торжество, в котором все могут принять участие и где не может произойти никаких эксцессов. Хермансен придавал особое значение тому, чтобы найти то, что называл «общим знаменателем». Только единственная пара — супруги Сэм, которые принципиально были против танцев, не захотели принять участия в торжестве.

Когда время приблизилось к половине шестого, упали первые капли дождя, и затем разразилась гроза. Она бушевала с невиданной силой, сверкали молнии, громыхал гром. Однако большая часть жителей не заметила грозы, поскольку они уже сидели в убежище, где за толстыми стенами не слышно было даже раскаты грома.

Организация праздника у Андерсенов была гораздо более уязвимой. Под умелым руководством метрдотеля кельнеры и гости мужественно попытались спасти то, что можно было спасти, но гроза разразилась слишком неожиданно.

Метрдотель стоял в одном из сарайчиков с раскрытым зонтом, чтобы оградить суп от воды, лившейся из протекавшей крыши. Во втором сарайчике четыре кельнера играли в покер. И здесь крыша протекала, но старший кельнер был достаточно остроумен, чтобы подставить под струйку бокал. Для верности он налил в него немного виски и с интересом ждал, достаточно ли продлится дождь, чтобы смесь обрела правильную крепость.

Это было единственное, что его интересовало, ибо он работал в ресторане так долго, что удивляться уже ничему не мог. И все же вынужден был признать, что это событие выходило за все рамки. Бумажные фонарики и гирлянды, висевшие над столами, намокли. Вода сочилась сквозь цветную бумагу и создавала сложнейшие узоры на белой льняной скатерти. Тарелки и стаканы были полны воды, и голубые молнии отражались в маленьких круглых озерцах.

Связь между домом и сарайчиками прервалась, и Андерсен ухаживал за гостями. К счастью, у него сохранился поднос с коктейлями,

и он обносил гостей, говоря им «добро пожаловать». Всего гостей набралось одиннадцать человек, включая пастора. Дождь застал Аяксена по дороге, и пришлось теперь сидеть в рубашке, пока фру Хермансен в верхней комнатке досуха выгладит облачение. Пастор держал в руке бокал шерри. Это действовало на него успокаивающе и несколько уменьшало страх перед раскатами грома. К тому же он завел очень интересную беседу с Сельмером, товарищем Андерсена по работе.

Гости переминались с ноги на ногу, разглядывая цветы и телеграммы; большинство стояло у окон, глядя на бушевавшую грозу. Сальвесен отнес фру Хермансен бокал. Прежде их разделяла изгородь, а теперь пасторское облачение, и может быть, именно оно заставляло говорить почти шепотом.

— Никто больше не придет! — грустно проговорил Сальвесен. — Можешь себе представить, как они теперь злорадствуют.

— Ты имеешь в виду моего мужа?

— Нет, свою жену.

— Я не хочу думать ни о ком из них! — только риза помешала ей выругаться. В ту же минуту молния ударила в электропроводку, и свет погас. Не впервые фру Хермансен лишала света, но на сей раз она так громко выругалась, что Аяксен подскочил.

— Не беда, — успокоительно сказал Сальвесен. — Можно и без света.

Более ошибочного мнения он высказать не мог. Для торжества в убежище это обстоятельство имело решающее значение. И если «Билли Дилли» не имели того успеха, на который рассчитывали, то по причине рокового выключения тока. Они только начали свой первый номер — песню, весь текст которой состоял, в общем-то, из трех слов: «ай лав ю». Тонкое психологическое чутье подсказало Хермансену, что этот блестящий номер нужен перед его речью, чтобы поднять настроение. Как всегда, он думал главным образом о детях и о молодежи. И все убеждало его в том, что он по-прежнему хорошо знает свою публику. Уже с первых строк начались истерические выкрики молодежи. Но зал внезапно погрузился в крошечный мрак, и заглохли звуки со сцены. Оказалось, что, когда ток исчез, пение и звучание электрогитар потеряли многое из своей магической силы. В сущности, выступление потонуло в тревожном шуме, который не уменьшился и когда Хермансен сообщил, что отсутствие света объясняется техническими неполадками, возникшими из-за грозы.

Убежище как раз и было рассчитано на подобные катастрофические ситуации; сразу же вспомнили о спецоборудовании, и в зале стало более или менее светло от шести сильных фонарей, горевших в разных местах. И все же кое-кто испытывал неприятное чувство оттого, что находится в этом помещении, хотя Хермансен и уверял, что все могут быть совершенно спокойны: над ними крыша из армированного бетона метровой толщины, которая может устоять против бомб значительного веса, а само помещение находится на шестиметровой глубине под поверхностью земли.

Ничто не помогло, настроение вконец испортилось, «Билли Дилли» отказались петь без электричества, и Хермансену пришлось досрочно начать вступительную речь.

Момент был выбран более чем неудачно. Публика еще не пришла в себя, иные прислушивались скорее к раскатам грома, которых и не было почти слышно, чем к речи Хермансена, отличавшейся, как всегда, ясностью и четкостью.

Поскольку торжество было юбилейное, он вначале сделал обзор достижений. Сказал о гордости правления тем, что здесь, на пустом месте, возникло счастливое общество, поселок, состоящий из шестидесяти семи жилых единиц, шести тысяч четырехсот тридцати восьми квадратных метров жилплощади. За прошедшие пять лет разбито восемнадцать тысяч четырехста пятьдесят квадратных метров газонов, четыреста двенадцать метров садовых дорожек, посажено триста восемьдесят пять метров живой изгороди и восемьсот пятьдесят квадратных метров цветочных клумб с однолетними и с многолетними декоративными растениями. Разрешен ряд других важных вопросов, в частности, правление нашло окончательное решение проблемы собак...

На торжественном собрании не хотелось подробно касаться тех проблем, над решением которых билось правление. Правда, он отметил возмутительный факт, когда отдельные лица относятся негативно к творческому и позитивному труду, который совершается во имя того, чтобы обеспечить всем счастливый очаг и уют, но подчеркнул, что поселок не является здесь исключением, ибо в каждом коллективе всегда находятся лица, пытающиеся нарушить дух солидарности и общности, безответственные раскольнические элементы, которые, исходя из своих интересов, порываются принизить успех, благосостояние и счастье других.

— Мы знаем, кто эти раскольники, — сказал он, — я не хочу называть имен, и правление делало все возможное для установления ответственного и конструктивного сотрудниче-

ства, но тщетно. Эти люди сами поставили себя вне общества и будут находиться вне его до тех пор, пока не научатся уважать принятые демократические правила.

И тут он перешел к собственно торжественной речи.

В зале давно воцарился порядок, и речь протекала без каких-либо помех. Мешала только взобравшаяся на сцену маленькая девочка в белом платье и с шелковым бантом в волосах, с букетом в руке — младшая дочка Андерсенов.

По-видимому, она поняла, что грустное, подавленное настроение дома объясняется тем, что гости не пришли, и с бесстрашной детской верой в свои силы отправилась в путь, чтобы все уладить. Промокшая до нитки, она стояла на сцене, глядя на сидящих внизу, в полумраке. Бросила она взгляд и на Хермансена. Тот сделал паузу, подумал, что эта девочка пришла, дабы вручить ему цветы, но, сообразив, чей ребенок перед ним, продолжил свою речь. Мальшке хотелось что-то сказать, но она не могла вставить и слова — Хермансен говорил без умолку. Девочка заплакала и побежала к выходу.

Бездетная фру Рошер-Теодорсен сразу же поднялась с места — убедиться, что ребенок доберется до дому. За ней поднялось еще несколько человек — вообще трогательно было видеть, как люди заботятся о том, чтобы ребенок не заблудился в непогоду и благополучно добрался до дому, до отца и матери. У выхода образовалась чуть ли не давка, а когда некто сообщил, что гроза прошла и снова светит солнце, стало ясно, что убежище сейчас опустеет.

Может ли мир вновь воспрянуть после такого взрыва яростной стихии? Прекрасно может. Пригрело солнце, и все снова стало как в первый день творения. А собственно, какой вред был нанесен? Фактически никакого. Правда, остыла еда и не было электричества, но ведь не впервой Андерсенам разводить костер. Праздничные столы? Скатерть? Бокалы? Тарелки и цветы? Достаточно было вылить воду, что-то выжать, и благословенное солнце высушило все, даже гирлянды и бумажные фонарики. Нельзя было выжать лишь цветы, украшавшие стол, но зато их словно росой окропило, что вполне соответствовало близящемуся таинству.

Прибывали все новые и новые гости, и сад был почти битком, когда наконец показались жених и невеста. Тихий вздох прокатился по саду, когда Андерсен свел невесту со ступень-

ки крыльца и подвел к большому вишневому дереву, где ожидал пастор.

Конечно, дереву надлежало бы быть в цвету, но зато сочные вишни гармонировали с белым платьем и фатой невесты. За женихом и невестой шел Рогер в матросском костюмчике, рядом Мальшка и Сильви, а заключали процессию обрученные Туне и Эрик.

Собравшиеся были очень тронуты, когда Аяксен возложил руки на головы брачующихся и благословил этих двух людей, давших обет жить вместе и в добрые и в тяжелые дни, пока смерть не разлучит.

* * *

Когда Хермансен позже попытался создать себе ясное представление о том, что происходило на свадьбе Андерсенов, ему рассказывали самые противоречивые вещи. Так бывает при крупных событиях общенационального значения. Впечатления были так глубоки, события так многообразны, что не составить общую картину.

Для большинства кульминационным пунктом было само венчание, а кому-то больше запомнилось угощение. Андерсен, выступив с великолепной речью, превзошел самого пастора.

А потом самый праздник — танцы, фейерверки и наконец торжественная минута, когда Андерсены с детьми уселись в старый «бьюнк» и отправились в свадебное путешествие. Эрик сел за руль, он ведь тоже был участником путешествия. Огромная связка пустых консервных банок гроыхала вслед за машиной, а гости кидали конфетти. После этого праздник продолжился, роль хозяев стали исполнять Сальвесен и фру Хермансен.

Было множество эпизодов более частного характера. Сарайчики оказались прекрасными помещениями для бесед, а кустарник в саду был на редкость густ и пышен. Фру Рошер-Теодорсен обнаружила музыкальный талант в младшем кельнере. Уже во время обеда она обратила внимание на его длинные, тонкие пальцы. Дело в том, что Андерсен уже в десять часов освободил кельнеров и метрдотеля от их официальных обязанностей, чтобы те могли участвовать в празднике в качестве гостей. К большому удовольствию всего общества, метрдотель оказался прекрасным исполнителем песенок, особенно ему удавались французские.

Хермансену и фру Сальвесен пришлось работать допоздна в убежище, чтобы привести все в порядок. Задача была далеко не из приятных. «Билли Дилли» требовали полный гонорар, хотя концерт сорвался через две-три

минуты. Они упорно стояли на своем, утверждая, что ответственность лежит на устроителях. Почему заранее не позаботились о запасном движке? Все доводы Хермансена отлетали от них, словно дробь от брони: нет электричества — нет концерта! Хермансен вынужден был уплатить по счету, а это, в свою очередь, привело к тому, что ему, фру Сальвесен пришлось провести чрезвычайное заседание, чтобы найти способ покрытия убытков.

Затем нужно было снять флаги и украшения, убрать прилавки с бутылками кока-колы и отнести огромное количество бутербродов в холодильник кооперативного магазина. Хермансен трудился без устали. В течение вечера ему пришла в голову мысль, которая теперь созрела и превратилась в решение: он выйдет из состава правления! Целых пять лет он неутомимо и тяжело трудился на благо жилищного кооператива. Теперь настал конец пути. Завтра же надо созвать чрезвычайное общее собрание и сложить свои полномочия. Уборка убежища — в сущности, последняя услуга поселку. Он хотел оставить после себя все в полном порядке.

Только в 11.15 он мог закрыть тяжелую стальную дверь и, повернув ключ в замке, уже знал, что закрывает дверь за эпохой. Протянул ключ фру Сальвесен и попросил передать его местному уполномоченному гражданской обороны, который отвечал за убежище. Может быть, она догадалась о принятом им решении, потому что когда шли по поселку, то сказала, что, если он сложит свои полномочия, она тоже выйдет из правления. Хермансен молча кивнул в благодарность за такое выражение лояльности.

Вечер был прохладный. Гроза, пронесшаяся днем, очистила воздух. В северной части неба виделся слабый отсвет, а в южной высоко взлетали искры от большого костра в саду Андерсенов. Зелень деревьев подсвечивало пламя, а сквозь кусты виднелись гости. Вокруг костра танцевали и пели. Хермансен узнал многих. Увидел жену, членов правления. В круг света костра вступил кто-то незнакомый с гитарой в руках: пожилой, аристократической внешности мужчина. Взял несколько аккордов и глубоким звучным баритоном запел «*Bonjour, tristesse*». Хермансен не знал французского, и фру Сальвесен, окончившая гимназию, перевела ему: «Здравствуй, грусть!»

Они попрощались там, где когда-то была живая изгородь. Дверь в подвальную гостиную стояла открытой, в глубине угадывалась синеватая мгла.

— Я сплю сегодня в подвальной гостиной, — шепнула она, тронув его руку.

Он ничего не ответил, стоял, уставившись на открытую дверь. Потом сорвался с места. Поднявшись к себе, подошел к окну и с удивлением обнаружил фру Сальвесен по-прежнему на том же месте. Увидев его, она по газону медленно пошла к подвальной гостиной.

Он взял стул и сидя смотрел на сад Андерсенов. Слышал музыку, смех. Видел фейерверки, поднимавшиеся к небу и медленно затухавшие. Слышал крики «ура», когда семья Андерсенов выехала из ворот, узнал Эрика, когда машина прошла под самым окном. Консервные банки, страшно грохоча, оторвались от машины и упали около палисадника. Он подумал было выйти и выбросить их, но боялся, что шум разбудит фру Сальвесен, которая, наверное, уже давно уснула.

Костер потух и улица опять заполнилась празднично одетыми людьми, расходившимися по домам. Охваченный странным беспокойством, Хермансен вышел на улицу. У Андерсенов оставалось еще несколько человек, но и те собирались уходить. Его собственная жена и Сальвесен стояли там на пороге и провожали гостей. Улыбаясь, оба вошли в пустой дом рука об руку и закрыли за собой дверь. Вскоре увидел он их в окне второго этажа, но тут гардины задернулись.

Он не знал, долго ли простоял, знал только, что возвращался быстрее. Сюда он шел медленно и тяжело, подобно римским рабам, тянувшим за собой прикованные к ногам цепи и железные ядра. Какое же чувство освобождения они должны были испытывать, когда с них снимали цепи и они, ничем не сдерживаемые, могли броситься в горнило борьбы!

Не колеблясь, он прошел прямо по газону и остановился у открытой двери в подвальную гостиную, гостиную Сальвесена. Постоял около нее, отяжелевший, грузный, глядя в глубокий мрак. Услышал слабый возглас, кто-то бросился ему навстречу, и в ту же минуту почувствовал ее трепещущее тело. И когда Хермансен наконец открыл рот, то совсем не для того, чтобы произнести речь.

Сальвесен и фру Хермансен обещали жить в доме Андерсенов и ухаживать за животными, пока хозяева находятся в свадебном путешествии, и дел тут хватало. Свинья опоросилась и принесла тринадцать поросят, голубка вывела птенцов, а несколько кур собирались стать наседками. Одна из них пролезла через сетку и уверенно направилась к клумбе под окном гостиной Хермансена. Он сам слышал ее хва-

стливое кудахтанье, стоя в гостиной и укладывая свои вещи.

Последние две недели он проживал у фру Сальвесен, а свою гостиную использовал как рабочий кабинет, поскольку там находились все нужные бумаги. Теперь он собирался совсем перебраться к фру Сальвесен, а его жена — вернуться в свой дом. Она и Сальвесен не могли долго оставаться у Андерсенов, те на днях должны были приехать. У новобрачных брали интервью для радио, и накануне из Южной Швеции передавали, что они совершили сказочное путешествие по всей Европе и целую неделю прожили на французской Ривьере.

Хермансен только что упаковал последние документы, когда услышал куриное клохтанье. Он был в хорошем настроении. Таких трудов стоило разобрать все бумаги и выйти из всех комиссий, сложить с себя разные полномочия. Он хотел все привести в порядок. Теперь с делами покончено, и он был рад, что сможет жить спокойно.

Когда он вышел на лестницу, курица, махая крыльями, вылетела из куста. Она снесла яйцо. Хермансен взял яйцо в руки, оно было теплое, немножко влажное.

Там, где когда-то была живая изгородь, он встретил Сальвесена, тот, обливаясь потом, тащил кресло на свое новое местожительство.

— Нам везет с погодой, в такую погоду хорошо переезжать, — заметил он мимоходом.

— Погода бесподобная, — сказал Хермансен. — Да, чуть не забыл, Сальвесен. Ванна там немножко течет.

Потом каждый пошел к себе. Было как-то непривычно идти новой дорогой, но в сущности, все осталось почти по-прежнему. Дома похожи друг на друга, и даже обстановка почти одинаковая.

— Из него мы сделаем яичницу на завтрак, — сказал Хермансен, с гордостью показывая яйцо. — А что, если и нам завести кур?

— Сейчас изжарю, как только покончу с этим! — у фру Сальвесен руки были заняты кипой его одежды. Она не смогла его обнять, только поцеловала. И очень боялась, что чувство может захватить ее и одежда упадет на пол. Нет, этого не должно случиться, вон идет фру Хермансен через лужайку с корзиной в руках, тоже помогает переезду.

Женщины встретились и обменялись вещами.

— Я не успела их заштопать, но они чистые! — сказала фру Хермансен, отдавая корзину с носками. — Кстати, ему нужно давать

чистые носки каждый день. У него потеют ноги!

— О да, он такой темпераментный! — растроганно вздохнула фру Сальвесен. — Как варить ему яйца — вкрутую или всмятку?

— Вкрутую!

— Подумать только, что мы будем соседями, — сказал подошедший Сальвесен. Хермансен хотел ответить, но в это время на дороге показалась фру Сэм, она шла вместе с пастором.

— Вот теперь видите, к чему привела эта свадьба! — фру Сэм по-прежнему сердилась на Аяксена за то, что тот согласился на венчание, но ей нельзя было слишком явно показывать свою неприязнь, ведь она была председателем церковного комитета, а ее муж преподавал закон божий, и он и пастор — оба, в сущности, служили в одном департаменте.

Они направлялись на участок, предназначенный для постройки церкви. Банковские служащие получили отпуск все в одно время, и повсюду было множество людей. Многим не хотелось никуда уезжать, предпочитали проводить отпуск дома. Одни уютно расположились на газонах, другие сидели в тени с бутылкой пива и смотрели, как играют дети.

— Какая бессмыслица, они превратили весь поселок в кемпинг, — проворчала фру Сэм. После падения Хермансена ее ответственность повысилась вдвойне. Но она сказала это самой себе, ибо не ожидала более сочувствия от пастора. Он любезно раскланивался направо и налево, приветствуя своих новых прихожан.

Дойдя до конца поселка, они увидели машину Андерсена. Все пассажиры загорели и прекрасно выглядели, но путешествие явно тяжело отразилось на старом «бьюике». Что-то случилось с коробкой скоростей или с карданом, потому что, проезжая по поселку, машина грохотала, словно реактивный самолет. Все кругом приветствовали их, восклицая «добро пожаловать!». А в саду ждала другая делегация. Молчаливая, мрачная группа людей с портфелями под мышкой. Кредиторы, очевидно, услышавшие интервью по радио. Андерсен собрал все счета. Смотреть на их общую сумму просто не стоило.

В течение следующего часа из сада Андерсенов тянулась вереница машин. Это были грузовики, и в их кузовах стояла мебель.

— До чего же тяжелая у них работа, смотреть страшно! — сказала фру Андерсен, когда по лестнице тащили пианино.

Она вместе с мужем сидела на скамейке в саду, каждый с бутылкой пива. Пиво купили по дороге, на него как раз хватило денег после того, как расплатились за бензин.

Андерсен почесал в затылке. Волосы еще носили следы завивки.

— Не знаю, — задумчиво произнес он. — Работа — это благословение.

Фру Андерсен кивнула. Она, как всегда, была согласна с мужем.

— Завтра я пойду на работу! — он сделал глоток из бутылки. — Конечно, такое безделье до добра не доводит, но все-таки... Ну и ну! — сказал он, улыбаясь.

— А теперь пойдем глянем на поросят! — сказала фру Андерсен, вставая со скамейки.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Очень рад, что в связи с выходом моей книги «Андерсенам — ура!» в русском переводе я имею возможность обратиться к тебе непосредственно.

Я пишу эти строки в гостинице, неподалеку от Кремля.

Я нахожусь в Москве как участник Международной конференции писателей, посвященной теме «Ответственность писателя за мир во всем мире», в связи с 30-летием победы над немецким фашизмом.

Мне кажется удивительным стечением обстоятельств, что я пишу именно здесь и именно теперь. Бросая взгляд в окно, я вижу собор Василия Блаженного, Красную площадь.

Почему я так люблю этот город? Почему для меня всегда счастье видеть золотые соборные купола и красные стены Кремля? Потому что он стал символом победившей Октябрьской революции?

Конечно, поэтому. Но не только поэтому. Прости, что я делюсь с тобой очень личным. Москва всегда вызывает во мне теплые воспоминания. Здесь я встретил свою нынешнюю жену. Мы оба впервые приехали в Москву делегатами на Международный конгресс мира в 1962 году.

До той поры мы не были знакомы. Но однажды вместе прошли по Красной площади. Теперь у нас двое детей, и их колыбельной стали «Подмосковные вечера».

А потом я бывал здесь часто. Сейчас я седьмой раз в Советском Союзе.

Я сказал, что пребывание здесь вызывает во мне теплые чувства. И это тоже удивительно, потому что когда я ребенком услышал впервые о Советском Союзе, то испытал лишь страх. Как же сочетается одно с другим?

Я родился в 1922 году, в маленькой крестьянской усадьбе на самой южной оконечности Норвегии. Нас в семье было восемь детей. В ту пору в Норвегии царил страшная нищета и классовые противоречия резко обострились. Местные газеты рассказывали всякие ужасы о русской революции и о большевиках, внушая людям боязнь, как бы революция не началась и у нас.

Моя мать была очень религиозна и очень любила своих детей. Мне было лет пять, и я помню, как по вечерам, укладывая нас спать, она молилась и просила бога сделать так, чтобы большевики к нам не пришли. Она была уверена, что они отберут наш крохотный клочок земли и засадят нас в тюрьму.

Потребовалось много лет, чтобы она изменила свое мнение. Нашу страну оккупировали немецкие нацисты. Фашисты забрали радиоприемники, и было строго запрещено слушать радио. Мы спрятали приемник на сеновале, и мать всегда с волнением слушала наши рассказы о новостях. У нас была карта Советского Союза, и мы булавками отмечали на ней продвижение Красной Армии.

Так мы узнавали Советский Союз, и названия его городов врезались в наше сознание: Сталинград, Киев, Минск, Ленинград. Мать больше всего волновала судьба Ленинграда, переживавшего блокаду. Я помню, как она смотрела на карту и шептала: «Лишь бы они выдержали! Боже, помоги им!»

Так жизнь учит нас понимать, так в беде познаешь своих друзей.

Я очень привязан к родным местам и большую часть материала для своих книг почерпнул там — в Вест Агдере, в Южной Норвегии.

Я не буду пытаться описать тамошнюю природу, набросаю только несколько штрихов: узкие фьорды, отвесные скалы и пустоши на пло-

скогорьях. Хутора отделены друг от друга многими километрами. Две-три коровы в хозяйстве да несколько овец.

Места очень красивые, но человек не может жить только любясь природой, пусть и прекрасной. Здесь находятся крупнейшие электростанции Норвегии, но электрический ток уходит в города и в промышленные районы страны, а местному населению работать негде, поскольку заводов тут мало. Именно эта область известна самым большим количеством переселенцев в Америку. Здесь царил безработица, получить образование было невозможно, и я закончил только начальную школу. В юности я брался за случайную работу — был лесорубом, землекопом, ходил на промысел сельди, в ту пору сельди было много. Могу гордиться и тем, что я хороший столяр. Это давняя традиция в наших краях; многие из эмигрировавших в Америку работают там столярами.

Позже я переехал в Осло, где тоже брался за любую работу и наконец попал на киностудию, где работал помощником оператора. Тогда же начал писать. Я дебютировал сборником рассказов в 1950 году.

О своем творчестве мне рассказывать нечего, о нем пусть уж говорят книги. Я писал романы, рассказы, пьесы, киносценарии, статьи на социальные и политические темы. К тому же был очень увлечен социализмом и борьбой за мир.

Некоторые мои книги переведены на другие языки, в том числе на русский язык, в частности, роман «Страшная зима», по нему был сделан фильм. На кинофестивале в Москве фильм получил приз Советского комитета защиты мира.

Это рассказ о страшной катастрофе, постигшей нашу страну, когда немецкие фашисты превратили в пустыню северную часть Норвегии. Огромная область — она больше целой Дании — стала выжженной землей. Ничего не пощадили. Сожгли дома, забили скот, взорвали рыбачьи суда. Население принудительно эвакуировали, но тысячи людей бежали в горы и там ждали, когда советские солдаты перейдут в наступление и обратят немцев в бегство. Позднее я вместе с советским писателем Юрием Нагибиным написал сценарий об изгнании оккупантов; был снят фильм «Под каменным небом» — рассказ об освобождении Красной Армией области Киркенес, где тысячи норвежцев скрывались в шахтах.

Почему именно эта тема так волновала меня? Прежде всего потому, что мои земляки на севере пережили такую трагедию, которая прямо-таки требовала, чтобы о ней рассказали. Но также и потому, что я считаю полезным и не-

обходимым, чтобы молодое поколение знало и не забывало уроки истории.

А помимо всего этого, нечто глубоко личное: сердечная благодарность Красной Армии и советскому народу, принесшему такие тяжкие жертвы в борьбе с фашизмом, в частности, и в период освобождения моей родины.

«Андерсенам — ура!» веселая книга, это издевка над мещанством, над стремлением мелких буржуа верховодить, знаться за положением в обществе, за престижем, издевка над обществом, где автомашина — это господь бог, а приобретение все новых и новых вещей — высший смысл существования.

Я написал «Андерсенов» набело за десять дней, и такая быстрота объясняется тем, что писать было весело. Если читателю передастся хотя бы десятая доля того веселья, которое владело мной, то цель книги достигнута.

Дорогой читатель, я снова прошу извинить меня за эти несвязные строки; я пишу ночью в московской гостинице. А это заставляет меня думать о том, почему я здесь. Я на международной конференции писателей, посвященной ответственности писателя и тем урокам, которые преподала нам война. Когда приехала по такому большому делу, веселая история о семье Андерсенов может показаться довольно мелкой.

Но вдруг все же она даст некоторое представление о людях и позволит узнать тебе знакомые черты, разве это не имеет свою ценность? Труд человеческого, мечта о счастье везде ведь одинаковые.

Именно это — узнавание людей, узнавание в них себя — может быть, самое главное во взаимоотношениях между писателем и читателем. Для того чтобы такой контакт между ними осуществлялся, все должно быть правдивым, настоящим, уловки здесь бесполезны. Поэтому так важны искренние слова. Поэтому искренние слова — всегда самое действенное оружие писателя, и в борьбе за мир тоже.

Вместе с коллегами из многих стран я совершил поездку по Белоруссии. Она произвела на меня потрясающее впечатление. Однажды, сидя в гостинице в Минске, я задал себе вопрос: что я буду помнить больше всего, что запало в мою душу? Мне думается, что это фотография безымянной девочки в минском музее. Та девочка была первой, кого повесили немецкие фашисты в городе. Видя страх и страдание на ее личике, я подумал: она могла бы быть моим ребенком, моей дочерью. И вот эта мысль дала мне возможность до конца понять

нечеловеческие страдания, скрытые за страшными цифрами жертв войны, эти цифры так огромны, что разум почти отказывается их воспринять.

Когда я на следующий день стоял у мемориала Хатыни — символа 186 деревень Белоруссии, уничтоженных фашистами, — я вспомнил слова другого неизвестного ребенка. Слова из предсмертного письма. Я собрал много таких писем, написанных осужденными на смерть по всей Европе. Во всех них одно общее: писавшие знали, что должны умереть, что это их последнее письмо. Двенадцатилетний польский мальчик написал, ожидая в

концентрационном лагере вместе со своей семьей, когда за ними придут немецкие палачи, эти строки:

Если бы все море было чернилами,
А все небо бумагой,
То и тогда невозможно было бы
Описать наши страдания.

Будем же радоваться жизни, как пытается это делать семья Андерсенов, просто и бесхитропно. Пусть горе никогда не убьет радости жизни. Но пусть и радость никогда не заставит нас забыть то страшное, что пережито.

Спасибо тебе и до свидания.

Сигбьерн Хельмебак

Сигбьерн Хельмебак

АНДЕРСЕНАМ — УРА!

Редактор Г. ПАНКРАТОВА

Художественный редактор Г. Масляненко Технический редактор С. Журбицкая
Корректоры Л. Лобанова и И. Филатова

Сдано в набор 23/ХІІ 1976 г. Подписано в печать 28/І 1977 г. Бумага газетная. Формат 84×108/16.
3 печ. л. 5,04 усл. печ. л. 6,216 уч.-изд. л. Тираж 1 600 000 экз. 2-й завод: 500 001—1 600 000 экз.
Заказ 989. Цена 31 коп.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Гатчинская ул., 26.

Отпечатано на Чеховском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
г. Чехов Московской области. Заказ 418.



